

Д. Г. Булгаковский

ЯВЛЕНИЯ
умерших
из загробного мира

**от древности
до наших дней**

Д. Г. Булгаковский

ЯВЛЕНИЯ
умерших
из загробного
мира

от глубокой древности
до наших дней

Москва

2013

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2 Рос= Рус)6-44
Б90

Допущено к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(Пер.№ 13-304-0363)

Булгаковский Дмитрий

Б90 Явления умерших из загробного мира. – М. : Неугасимая лампада, 2013. – 176 с.

ISBN 978-5-904268-70-1

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2 Рос= Рус)6-44

Уверенность в бессмертии души, в ожидании перехода в загробную жизнь, служит источником доброй нравственности, из которого человек черпает для себя подкрепление к перенесению скорбей и неудач в жизни и надежду на будущее отрадное состояние.

ISBN 978-5-904268-70-1

© Издательство «Неугасимая лампада», 2013

Кто-то где-то сказал: «Можно гору сдвинуть с места, но факта нельзя уничтожить, он непоколебим». Пусть говорят скептики, что хотят, по поводу явлений умерших, пусть смеются над этими рассказами и считают их плодом болезненного воображения или следствием галлюцинаций — факт остается фактом — умершие являются живым.

Вера в загробный мир присуща всему человечеству, мысль о бессмертии души вечна, сообщение мира невидимого с видимым всегда было и вероятно никогда не прекратится. Умершие сочувствуют живым, счастьем их радуются, в горе соболезнуют, в затруднениях подают советы, в опасностях предупреждают, от худых дел предостерегают. Доказать, конечно, эти факты пока нет возможности, но вера в них более и более захватывает человечество, и может быть, скоро наступит время, когда многое из мира сверхчувственного будет объяснимо.

Посвящается же эта книга тем людям, которые по разным причинам забывают, что их ожидает за гробом другая жизнь, жизнь бесконеч-

ная; посвящается тому, кто дальше материи ничего не хочет видеть, кто потерял веру в бессмертие души и после смерти не ожидает новой жизни.

Посвящается она тем страждущим, которые, изнывая под бременем лишений и житейских невзгод, падают в борьбе за существование с криком отчаяния.

Цель автора будет достигнута, если ему удастся озарить светом веры хотя один ум, колеблемый неверием, успокоить надеждой на лучшее будущее за гробом хотя одно человеческое сердце, удрученное скорбями.

Д. Булгаковский

Общий взгляд на бессмертие души, загробную жизнь и явления умерших

удем ли мы жить после смерти так же, как живем теперь, т. е. сознавать и чувствовать, или наша душа вместе с телом прекратит свое существование? Вот вопрос, который занимал и волновал умы всех времен и народов и требовал ответа. Разъяснение этой тайны было причиной появления целой массы разных философских учений. Но несмотря на все усилия мыслителей, вопрос оставался не разъясненным до тех пор, пока не раздался голос Бога Слова, благовествовавшего человечеству: **Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня если и умрет, оживет** (Ин. XI, 25).

Уверенность в бессмертии души, в ожидании перехода в загробную жизнь служит источником доброй нравственности, из которого человек черпает для себя подкрепление к перенесению

скорбей и неудач в жизни и надежду на будущее отрадное состояние. Только при этой вере и при этой надежде для нас становится понятно, что «не напрасно, не случайно жизнь от Бога нам дана». Только при этом условии мы не будем спрашивать себя с мучительной тоской: зачем мы родились на свет Божий? Только при этой вере и надежде человек способен понять, что смерть — это рассвет, следуемый за ночью, и мысль о смерти уже не устрасит его. Не отвратительный скелет уничтожения, а светлого ангела успокоения увидит он в ней. Не возмутится душа его и потерю кровных и близких: разлука с ними будет для него залогом свидания в новом, лучшем бытии, в обителях загробного, небесного мира. Длится жизнь его, обремененная лишениями, он благодарит за нее Бога; застигает смерть его на полудороге жизни, он с любовью бросается в объятие ангела успокоения, потому что понимает значение Богооткровенных слов: **В доме Отца Моего обители многи суть** (Ин. XIV, 2).

И наоборот, упадок нравственности, религиозное охлаждение, смятение и томление духа, наконец, полное разочарование в жизни — все это идет от безверия в бессмертие души и безнадежности на существование загробной жизни. Разврат, грабежи, обман, убийство и самоубийство, извращение понятия о правде и добре, о любви к ближнему — вот детища этого безверия и этой безнадежности.

Большинство людей из всех сил гонит от себя мысль о смерти, и вещания Слова Божия не трогают их сердец, увлеченных страстями и суетно-

стью мира. Но вот из тех, которые отошли в другой мир прежде нас, иногда являются сюда свидетелями и уверяют нас, как очевидцы, в истине всего того, что говорит нам Божественное Откровение о последней судьбе нашей.

Но возможно ли общение душ, отшедших в другой мир, с нами живыми на земле, и бывают ли действительно примеры явления умерших живым?

Если бы эти явления были не возможны и не случались, то откуда же берутся усилия живых войти в сообщения с отшедшими душами на протяжении всех веков и среди всех народов? Эти усилия никогда не прекращались. Одни желают видеть, по крайней мере, во сне близких и любимых лиц, другие ожидают свидания наяву, чтобы спросить умерших, как они живут в загробном мире?

Правда, многие вопрос о явлении умерших обходят молчанием или относятся к нему с насмешкой. Обыкновенно такие люди говорят, что с того света никто не приходит и что там, за могилою, никому не известно.

Такое суждение о загробном мире ровно ничего не говорит. Если из века в век переходят рассказы о явлениях умерших и живет вера в существование духовного мира, то нет основания отвергать эти явления, а тем более смеяться над этою верою и считать тех, кто признает их, людьми суеверными.

Многие говорят, что во всех рассказах о явлении умерших нет ни слова правды. Такое решение не может считаться основательным. Кто

привык изучать те или другие причины, тот не удовлетворится таким голословным отрицанием. Факт остается фактом. Медицина, например, утверждает, что люди, страдающие нервным расстройством, часто испытывают различные обманы чувств, подвержены галлюцинациям. Но отсюда до утверждения, что все необъяснимые пока явления, ничто иное как галлюцинация, — целая бездна. Существует очень много таких явлений, которые мы принуждены признать за действительные, хотя и не можем объяснить их. Отрицать же все то, чего нельзя объяснить, было бы безумно. Разве существовало объяснение системы мира тысячу лет тому назад? Да и в настоящее время разве мы можем объяснить вполне законы солнечных лучей или законы тяготения? Разве мы уже знаем всю природу нашей души, все ее способности и их отношения между собою? Что во вселенной есть много сил, еще неизвестных нам, в этом ни один мыслитель ни на одно мгновение сомневаться не может.

Пастыри нашей православной церкви не только сами всегда верили, что явления умерших возможны и действительны, но учили своих пасомых не отвергать этой истины. Так, московский митрополит Филарет в одном из поучений говорит: «Явления из духовного мира не изъяснимы, но не опровержимы», и сам он не только не усомнился в факте, когда явился умерший родитель его, который открыл ему день смерти, но стал приготовляться к отшествию в загробный мир. *(Душеполезн. чт. 1876, ч. 1.)*

Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, говорит: «Из древних сказаний видно, что вера в бессмертие души постоянно соединялась с верою в явление умерших. Сказания о сем бесчисленны... Есть явления умерших или их действия, кои не подлежат сомнению, хотя они редки». (*Соч. Иннокентия, ч. 7.*)

Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, говоря в одном из своих поучений о загробной жизни и передав два случая явления умерших живым, утверждает: «Таких фактов можно было бы насчитать немало, которые имеют полное значение достоверности для лиц, которые о них сообщают, для лиц совершенно достопочтенных и заслуживающих веры... Факты достоверны, действительны, возможны, но нельзя сказать, что согласны с установленным волею Божией обычным порядком вещей». (*«Странник», 1887 г., сентябрь.*)

Многие из ученых и писателей иностранных и наших отечественных не только сами верят в явления умерших и рассказывают необыкновенные случаи из собственной жизни, но убеждают других не сомневаться в этом. Так, аббат Августин Калмет, живший во второй половине семнадцатого столетия, известный в свое время как исторический писатель и как толкователь Св. Писания, пишет: «Отвергать возможность и действительность явлений и действий отшедших душ на том одном основании, что они необъяснимы по законам земного мира, также совершенно незаконно, как незаконно было бы отвергать возможность и действительность явле-

ний физиологических на том основании, что они необъяснимы по одним законам чисто механических явлений». (*О явлении духов — Калмета, ч. 1, стр. 115.*)

Английские физики Бальфур-Стюарт и Тэта в книге «Невидимый мир», между прочим, говорят: «Мы признаем за истину, что невидимый мир не есть нечто абсолютно отличное от видимой вселенной и абсолютно разъединенное с ней, как часто высказывалось в науке, а, напротив, есть мир, который находится в тесной связи с настоящим».

А вот что пишет по поводу явлений умерших наш поэт В.А. Жуковский: «Хотя весьма многие доказательства в пользу действительности привидений имеют такую же силу, какую имеют и все другие доказательства исторические о совершившихся за многие века прежде нас событиях, хотя нет причин принимать за невозможное то, чего мы вполне изъяснить не можем, и за несуществующее то, что не подлежит нашим чувствам, — сии явления останутся для нас навсегда между **да** и **нет**». (*Нечто о привидениях — Жуковского, т. 6.*)

Наконец, обращая внимание на памятники народного творчества, обряды, существующие при погребении, и на похоронную народную причетъ, нельзя не заметить, что в народе крепко хранится вера в бессмертие души и нераздельно с этой истиной — вера в явления умерших живым. Уже одно название в некоторых местностях гроба **хатой** или **домовиной** ясно указывает, что народ считает смерть только переходом к новой жизни, или,

говоря языком похоронной причети, — в новую хату. Отсюда возникло обыкновение полагать в гроб вместе с умершим различные предметы — деньги, табак, водку и т. п.

В песне белорус говорит своей жене: «Приды на могилу, не ступай ногами, ще я жив с тобою» («Пинчуки» — Б. Булгаковского). В похоронной причети мать, обращаясь к сыну покойнику, просит его: «Понеси ж ты наш поклон дидови и баби». Жена, оплакивая мужа, говорит: «Ой, голубчику ты муй, уже ты покидаеш нас, на кого ты оставляеш мене с детками, да не скоро мы побачимся (увидимся) с тобою». («Русский филологический вестник», 1884 г. Т. XII, № 1.)

Похоронив покойника, родственники обыкновенно спрашивают его, когда ждать его в гости. При этом всегда высказывается живейшая готовность встретить и принять умершего с полнейшею любовью: «Хозяину мий, голубе сизый, дружина моя! Скажи ж мыни теперь, колы ж ты до мене в гости придеш? Колы ж мыни столы застилать, да колы ж мыни тебе ждаты. Колы ж ты, моя вирная дружина, в гостоньки прибудеш?» («Рус. филологич. вест.», 1884 г. Т. XII, № 1.)

Во многих местах нашего отечества существует в народе обычай — в первую ночь после погребения покойника оставлять хлеб и воду, в том убеждении, что душа умершего придет в гости — будет есть и пить. В сороковой день в Белоруссии делают так называемые **прикладины**. Прикладинами называют те колодки дерева, величиной с могилу, которые кладут на свежую могильную

насыпь. Это делается в угоду покойникам, которые, по убеждению белоруса, садятся на них и отдыхают, идя в гости к родным или же в церковь. (*«Пинчуки» — Д. Булгаковского.*)

Вот эта всеобщая вера ученых и не ученых, представителей религии и верующих, а главное свидетельства Св. Писания служат речательством за действительность явлений умерших живым. Рассказы об этих явлениях так всеобщи и многочисленны, что считать их за вымысел было бы очевидной нелепостью. Не менее странно было бы утверждать, что все рассказчики — люди сумасшедшие или больные.

Что касается вопроса, в каких телах являются умершие, то Божественное Откровение ничего не говорит об этом, а разум наш даже приблизительно не в состоянии разрешить этот вопрос. Некоторые учителя Церкви имели, однако, то мнение, что души и по разлучении с телом сохраняют некоторую материальную оболочку, потому что один только Бог бестелесен.

Мы привели сравнительно немного примеров явлений умерших живым (81) и могли бы рассказать еще многое по сему предмету, но все примеры указывают на одно и то же, т. е. что со смертью человека не прекращается жизнь души за гробом, и явления умерших всегда были, начиная от глубокой древности и кончая нашими днями.

Мы не берем на себя смелости объяснять эти рассказы, а предоставляем каждому понимать их по собственному разумению. Только в конце книги нами сделаны общие выводы на основании тех данных, какие заключаются в самих рассказах.

Выводы наши отвечают на следующие вопросы: кому умершие являются и когда преимущественно? Видят ли они, хотя отчасти, что делается на земле, и сохраняют ли сочувствие к близким их сердцу или остаются совершенно чуждыми ко всему тому, что происходит между живыми? Сознают ли они, по крайней мере, то, что непосредственно касается их, как например, знают ли, что живые вспоминают их, молятся за них? Вступают ли они в разговор с живыми? Почему они являются очень немногим? Бывают ли явления умерших зараз нескольким лицам? Имеют ли умершие определенные цели, являясь живым? Являются ли они по своему желанию или только с соизволения Того, в Чьих руках жизнь и смерть? Сообщают ли они хотя отчасти о загробной жизни и не рассказывают ли о самих себе, как они живут? Какие умершие преимущественно являются? Оставляют ли они при своем явлении осязательный (реальный) след, который доказывал бы действительность их явлений?

Рассказы о явлении умерших

Свидетельство умерших о бессмертии души и загробной жизни

«Один врач, именем Геннадий, — рассказывает блаженный Августин, — сомневался в бессмертии души и будущей жизни. Однажды он во сне видит юношу, который говорит ему: «Ступай за мной». Он последо-

вал за ним и пришел в какой-то город. Потом, спустя некоторое время, тот же юноша явился ему во сне в другой раз и спросил:

— Знаешь ли ты меня?

— Очень хорошо, — отвечал врач.

— А почему ты знаешь меня?

— Ты меня водил в какой-то город, где я слышал необыкновенно приятное пение.

— Что, ты видел город и слышал там пение во сне или наяву?

— Во сне.

— А то, что теперь я говорю с тобой, во сне или наяву слышишь ты?

— Во сне, — отвечал тот.

— Где же тело твоё в настоящую минуту?

— В моей постели.

— А знаешь ли ты, что в настоящую минуту ты ничего не видишь твоими телесными глазами?

— Знаю.

— Что же такое эти глаза, которыми теперь ты видишь меня?

Врач не знал, что отвечать, но юноша сказал ему: «Как в настоящую минуту ты видишь и слышишь меня, хотя глаза твои закрыты и все чувства твои в бездействии, так будешь жить ты после твоей смерти: ты будешь видеть, но глазами духовными, поэтому не сомневайся, что после этой жизни будет другая жизнь».

(Соч. А. Калмета, стр. 95.)

Один наш знакомый, человек с высшим образованием, заслуживающий полного доверия, А. Н. Син, рассказал нам следующий случай из своей жизни.

«Несколько лет тому назад, — говорил он, — полюбил я одну девушку, с которой имел намерение вступить в законный брак, и уже был назначен день нашей свадьбы. Но за несколько дней до брака невеста моя простудилась, получила скоротечную

чахотку и через четыре месяца умерла. Как ни велик был для меня удар, но время свое взяло — я забыл о невесте или, по крайней мере, не скорбел о ней уже так, как в первое время после ее смерти.

Но вот однажды случилось мне по делам службы проезжать через один город нашей Я-ской губернии, где были у меня родные, у которых я и остановился на одни сутки. На ночь мне отвели отдельную комнату. При мне была собака, умная и преданная. Ночь была, как теперь помню, лунная, хоть читай. Только что начал я было засыпать, как слышу, моя собака начинает ворчать. Зная, что она никогда напрасно не ворчит, я подумал, что вероятно в комнате нечаянно заперли кошку или пробежала мышь. Я приподнялся с постели, но ничего не заметил, собака же сильнее и сильнее ворчала, видимо, чего-то пугалась; смотрю — а у нее шерсть дыбом стоит. Попробовал было успокаивать ее, но собака более и более пугалась. Вместе с собакой безотчетно сам я испугался чего-то, хотя от природы не был трусом, испугался так, что на голове волосы дыбом стали. Замечательно, испуг мой усиливался по мере испуга моей собаки и дошел до такой степени, что, кажется, еще одна минута, наверное я лишился бы чувств. Но собака моя стала утихать, а вместе с ней и я стал успокаиваться и в то же время начал как бы ощущать чье-то присутствие и ожидать появления, сам не зная кого. Когда я совершенно успокоился, вдруг ко мне подходит моя невеста и, целуя меня, говорит: «Здравствуй А. Н.! Ты не веришь, что за гробом есть жизнь, вот я явилась тебе, смо-

три на меня, видишь — я жива, даже целую тебя. Верь же, мой друг, что со смертью не прекращается жизнь человека». При этом она указала мне, что прочитать из Священного Писания о загробной жизни и из других разных духовных сочинений. Она сообщила мне еще нечто, о чем запретила рассказывать другим. Когда я встал на другой день, то увидел себя совершенно поседевшим за одну ночь, так что мои родные испугались, когда увидели меня за утренним чаем. Я должен при этом сознаться, — продолжал наш знакомый, — что до сего случая я ни во что не верил — ни в Бога, ни в бессмертие души, ни в загробную жизнь; несколько лет не ходил в церковь, оставаясь без исповеди и св. Причастия, смеялся над всем священным; посты, праздники и священные обряды православной церкви для меня не существовали. Но теперь, по милости Божией, я сделался опять христианином, человеком верующим, и не знаю, как благодарить Господа, что Он исторг меня из бездны пагубных заблуждений».

Мы прибавим от себя, что А. Н. С-ин в настоящее время, состоя мировым судьей в одном из уездных городов северо-западного края, до того набожен, что, кажется не было случая, когда бы он пропустил службу Божию.

«Отец мой, будучи очень болен, просил меня навестить его, — рассказывает один из чиновников. — Жил он от меня довольно далеко, в Чикаго. Он верил в

явление умерших живым людям, но ему никогда не удавалось убедить меня в этом. Когда я к нему приехал, он сказал, что особенно рад меня видеть, так как ему уже не долго осталось жить на земле.

— Как? — сказал я. — Неужели вы действительно думаете, что скоро умрете?

— Нет, — отвечал он, — я не умру, а только покину мое земное тело; я скоро перейду в духовный мир, облеченный в духовное тело, и мне хотелось тебя видеть, чтобы ты дал мне одно обещание. Когда я перейду в иной мир, то приду и покажусь тебе. Обещай мне: когда увидишь и узнаешь меня, то поверишь, что души могут возвращаться, и признаешь это во всеуслышание.

На это я ответил ему: «Хорошо, отец, но теперь вам не следует говорить о смерти: быть может, вы выздоровеете и проживете еще долго».

— Я говорю тебе, что не умру, — возразил он, — и буду жить, но ты больше не увидишь меня в моей земной оболочке после этой нашей встречи. Не забудь же своего обещания.

Когда я прощался с ним, он был спокоен и чувствовал себя хорошо, но повторил, что скоро перейдет в духовный мир и оттуда придет ко мне.

Спустя около десяти дней после моего возвращения домой, не получая дурных вестей от отца, я решил устроить дружеский обед для нескольких моих друзей.

Мне пришлось провести целый день в хлопотах, и я лег спать с мыслью о завтрашнем дне и о приготовлениях к предстоящему обеду. Только что я успел заснуть, как вдруг проснулся сразу,

без обычного для меня промежутка между крепким сном и пробуждением. Я осмотрелся вокруг, отыскивая, что именно могло разбудить меня. И вот, в противоположном конце комнаты я увидел яркий свет, в виде как бы светлого пятна, величинной в мою ладонь. Я начал пристально всматриваться в него и убедился, что свет не мог проникнуть ниоткуда снаружи. То был нежный, белый свет, подобный лунному сиянию, имевший волнообразное движение и точно трепетавший, как живой. Вскоре светлое пятно стало приближаться ко мне, все увеличиваясь и увеличиваясь в то же время в объеме. Казалось, оно двигалось в мою сторону. Когда оно приблизилось, я начал постепенно различать в нем: сперва лицо моего отца, потом бюст и наконец всю фигуру во весь рост. Он стоял предо мною так, что я мог рассмотреть подробно все черты его лица. Ничего в нем не изменилось, только лицо его казалось моложе, менее утомленно, чем было во время нашего последнего свидания, и вся фигура его была прямее и бодрее. Он заговорил, и голос его был так похож на голос моего отца, что сомневаться в действительности я более не мог. Улыбаясь своей нежной улыбкой, он проговорил:

— Ты помнишь ли свое обещание? Вот я пришел к тебе, как сказал раньше.

— Отец, разве ты умер? — спросил я его.

— Нет, — возразил он, — я не умер, я жив, я покинул только мое земное тело, облечен теперь в тело духовное и пребываю в мире и успокоении. Ты не должен забывать своего обещания.

Не понимаю, зачем я вдруг спросил у него:

— Отец, который теперь час?

— Ровно четыре минуты первого, — отвечал он.

— Так ты умер ночью? — спросил я.

— Повторяю тебе, — отвечал он, — я не умер, я вполне жив и хочу, чтобы ты исполнил свое обещание и уверовал, что духи тех, кого вы любите, могут приходить на землю.

Затем он простился со мной, и вся фигура его как-будто рассыпалась в светлое облако и понемногу исчезала также, как и появилась — казалось, мрак поглотил ее.

На другой день, когда собрались ко мне приятели на званый обед, вдруг во время обеда раздался звонок у дверей, и мне принесли телеграмму следующего содержания: «Отец умер ныне в полночь».

Я чувствую и убежден, что видел моего отца, но проверить этого невозможно; явление остается для меня непонятным».

(«Ребус», 1883 г. № 49.)

«Более сорока лет тому назад я знал двух молодых людей, — рассказывает один из военных ветеранов, — они служили в перемышльском конноегерском полку обер-офицерами: гг. А-в, православного вероисповедания, и Ш-р, лютеранского. Эти два молодые мои приятели были друзьями между собой. Они дали друг другу обет, что тот, кто из них прежде ум-

рет, придет к оставшемуся в живых и скажет, что бывает с человеком по исходе души и что ожидает их в будущей жизни.

Несколько лет я не видал ни того, ни другого, однако же знал, что один из них, именно Ш-р, умер. В 1836 году мне предстояла надобность быть в Тамбове, откуда в 25 верстах проживала в селе З. тетка моя В.А.С. Я приехал к ней с намерением пробыть у ней несколько дней. В первый день моего приезда она рассказала мне об одном страннике, посвятившем себя Богу. «Он ведет самую строгую жизнь, — говорила она, — так что, почитая себя недостойным входить в храм, часто становится у порога и, несмотря на холод, стоит босиком, носит монашеское полукафтаные и опоясывается ремнем. Не хотите ли видеть его? — спросила она меня, — он теперь у меня». Я попросил познакомить меня с ним. Странник, по приглашению моей тетки, пришел, и что же? Это был А-в, я вскочил с места, подбежал к нему и вскричал: «А-в, это вы?» — «Да, П..., это я», — отвечал мне странник, и мы с ним обнялись.

— Какими судьбами ты сделался таким?

Он объяснил мне, что, по данному обету, его друг Ш-р явился ему не в сновидении, а наяву и рассказал, что испытывает душа по исходе из тела. «А что именно, говорить мне запрещено, — прибавил А-в. — Но чтобы сколько-нибудь понять, что это такое, достаточно тебе видеть на мне вот эту свитку. Вот причина, по которой я, продав свое богатое имение, употребил деньги на богоугодные дела и хожу, как бедный греш-

ник, умоляя Господа о прощении грехов. Надеюсь, Господь меня не оставит».

(«Душеполезное чт.», 1861 г., ч. 1.)

Явления по обещанию или данной клятве

В 1856 году кучка товарищей — студентов лондонского университета — имела обыкновение собираться в одном ресторане поболтать вместе часок-другой. В один прекрасный вечер разговор принял мистическое направление, и один из молодых людей безапелляционно заявил, что, по его мнению, с окончанием земной жизни для человека кончается все. Товарищи в числе трех-четырех человек стали ему возражать, но он твердо и спокойно стоял на своем и, наконец, предложил им дать между собой клятву: кто из них первым умрет, должен явиться остальным в этом самом ресторане в доказательство бессмертия души всем зараз. Все на это предложение согласилось и дали клятву. Пришел учебный год. После каникул еженедельные собрания в ресторане, по обыкновению, возобновились.

Как-то вечером студенты, человек пятнадцать, сидели у камина и беззаботно беседовали, как вдруг один из товарищей громко вскрикнул и указал рукою на пустой темный угол, куда он смотрел, не сводя от ужаса широко раскрытых глаз.

Все посмотрели в угол, и все, как один человек, увидали туманную фигуру, в которой узнали своего товарища, еще не возвратившегося с каникул.

Он стоял в темном углу комнаты и скорбным, как бы упрекающим взглядом смотрел на присутствующих. Мало-помалу явившийся как бы стал таять в воздухе и, наконец, исчез совершенно.

В продолжение нескольких секунд все молчали, наконец, скептик первый пришел в себя и грустным, дрожащим голосом проговорил:

«Бедняга Джемс умер и явился нам по данной клятве; отныне я уже никогда не позволю себе сомневаться в великих христианских истинах, а тем более говорить о них легкомысленно».

(«Петербургский листок»,
1892 г., №85.)

Князь Владимир Сергеевич Долгорукий, находясь в звании посланника при прусском дворе, заразился там вольнодумством так, что не верил ни в Бога, ни в загробную жизнь. Узнав об этом, родной брат его, князь Петр, не раз писал к нему письма, в которых убеждал: «Верь, брат, что без истинной веры нет на земле счастья, что вера существенно необходима для будущей жизни» и проч. Но все было напрасно. Князь Владимир Сергеевич смеялся над убеждениями набожного брата.

Однажды он, возвратясь от короля и чувствуя сильную усталость, разделся наскоро, бросился в

постель и скоро задремал. Вдруг слышит он, что кто-то отдергивает его занавес, приближается к нему и холодной рукою прикасается к его руке, даже жмет ее. Он смотрит, видит брата и слышит от него: «Верь!» Обрадованный неожиданным появлением, князь хочет броситься в объятия брата, но вдруг видение исчезает. Он спрашивает слуг: «Куда девался брат?» и, услышав от них, что никакого брата они не видели, старается уверить себя, что это сон, мечта, но слово «верь» не перестает звучать в ушах его и не дает ему покоя.

Он записал число, час и минуту видения и вскоре получил известие, что в этот самый день, час и минуту скончался брат его, князь Петр Сергеевич.

С тех пор он сделался набожным и верующим христианином и об этом видении часто говорил другим.

*(Монаха Митрофана —
«Как живут наши умершие», т. I.)*

«Мой муж Александр умер, царство ему небесное, когда Володе было 10 лет», — начала тихо, крестясь, рассказывать старушка.

— Жили мы и тогда в деревне, здесь же. Горю моему не было конца. Все окружающие боялись за мое здоровье. Чахотка так и следила за мною, выбирая лишь удобный случай завладеть мною покрепче. Уже целые месяцы никто не слышал моего голо-

са. Только раз лежу я у покойного мужа в кабине, как вдруг, точно из земли вырос, подле меня мой муж. Я до того обрадовалась ему, что, ничего не соображая, бросилась к нему на шею, обнимаю его, целую, — куда и слезы девались.

— Вот так-то лучше, мой дорогой и незабвенный друг, — сказал он, ласково глядя по моим волосам. — Зачем плакать, зачем убиваться? Ведь не все со мною окончилось. Здесь у тебя дети, обязанности, а там-то мы снова свидимся с тобой...

Долго ли говорил он на эту тему — не помню; я слушала его и все не могла придти в себя. Вдруг он встал. «Ты умрешь от руки сына, — сказал он, — но помни, смерти нет, а только тело сгниет, душа же вечна, не отчаивайся, люби его. Мне же пора; прощай — миссия моя кончена», — сказал он и направился к двери.

Я бросилась за ним с криком ужаса, умоляя сказать, как мне избежать это ужасное предсказание, но он шел вперед, не оглядываясь на меня. Не помню, как я пролетела все комнаты, желая схватить его, и упала без памяти в передней перед выходною дверью, за которою исчез Александр. Потом все, кто сидел в столовой, утверждали, что слышали мой голос и еще какой-то знакомый голос. Дети же, а именно сын мой Володя, уверял даже, будто узнал голос отца», — чуть слышно и тяжело дыша закончила старушка.

Все, слушавшие этот рассказ, замерли, находясь под впечатлением слышанного. Только Володя, сын этой старушки, показывал вид, что он не боится никаких привидений.

— Володя ведь только храбрится, а сам первый струсит, если ему покажется привидение, — начал подтрунивать один из товарищей.

— У меня всегда висят в головах два заряженных револьвера, — резко оборвал смеющихся Володя.

— А ты, мамочка, извини, у тебя тогда был бред расстроенного воображения, — сказал мальчик, уходя из комнаты.

— А знаете ли, устроим мы с ним шутку, — предложил кто-то из товарищей. — Я берусь разрядить его револьверы, и вот мы посмотрим, как он не испугается. Решение было принято всеми охотно, и началось совещание.

Старый дом весь объят непробудным сном. Один верный сторож — полный месяц, озаряя своим светом все закоулки, тщательно стережет покой мирной усадьбы. Володя давно спит безмятежным сном юности. Комнатка его выходит в сад. Месяц смотрит прямо в упор в его комнату. Но вот какой-то стук будит его. «Кто там стучит», — думает он, поднимаясь с постели. Видит — у окна белая фигура в саване.

— А, напугать меня хотят, — говорит он, ежась от холода, — не испугают.

Стук все продолжается.

«И охота мерзнуть», — думает он, уже направляясь к окну и делая знак рукой, что он не боится и чтобы шутник убирался спать.

Фигура не исчезает.

Он подходит к окну и кричит, что будет стрелять, если это вор или бродяга.

Володя быстро идет к стене, снимает револьвер, стреляет — осечка, еще осечка...

— Что за черт, верно не зарядил, — вскрикивает он под аккомпанемент глухого хохота при видения. С другим револьвером повторяется та же история, а смех усиливается, и вся фигура как бы вздрагивает и ликует.

Это окончательно взорвало и взбесило храброго юношу. Не долго думая, он кидается под подушку, вытаскивает карманный бульдог, делает выстрел и... раздирающий крик оглашает воздух... Он убил свою мать.

(«Ребус», 1883 г., № 17.)

В полку, имевшем стоянку на Бермудских островах, служили два молодых офицера А. и Б., которые были очень привязаны друг к другу. Они согласились между собою, что тот из них, кто первый умрет, явится к оставшемуся в живых и известит его: *существует ли жизнь в ином мире.*

Офицер А. отправился однажды на охоту. Во время его отсутствия, другу его Б. приказано было перевезти партию больных в Новый Брауншвейг.

Вскоре после ухода корабля вернулся с охоты А.

Ночью в тот же день А. разбудил полковника Крига, убедительно прося впустить его по важному делу. В большом волнении он рассказал полковнику, что в его комнату вошел друг его Б., одетый в матросскую куртку и насквозь промок-

ший. Явившись, Б. сказал: «Жизнь в ином мире существует», и обещался придти в следующую ночь.

Полковник Криг вместе с двумя товарищами, тоже полковниками, условились посмотреть, что случится в квартире А. в наступавшую ночь. У дверей квартиры они поставили часового, чтобы никто из посторонних не мог войти.

Когда товарищи все вместе собрались в квартире молодого офицера, а часовой стоял у наружных дверей, в тот же час, как и накануне, явился Б., тоже в матросской куртке, весь мокрый и, пристально всматриваясь в каждого, прошел через гостиную в спальню А. Все присутствовавшие отчетливо его видели и слышали, как он снова произнес торжественно и внушительно: «Жизнь в ином мире существует».

Со временем узнали, что корабль, на котором отправился Б. с больными, погиб.

(«Ребус», 1888 г., № 33.)

Два известных ученых Италии XVI века, Меркати и Марсилий имели различное понятие о бессмертии души и загробной жизни. Чтобы убедиться, кто из них прав, они дали клятву между собой, что тот из них, кто прежде умрет, должен явиться другому, если только возможно, и объяснить, кто из них прав относительно занимавшего их вопроса.

Раз ночью Меркати, находясь в Риме, когда был углублен в занятия, услышал три сильных удара в дверь своей комнаты. Он встал с места и, отворив окно, увидел у подъезда всадника, закутанного в белый плащ. «Ты прав, мой друг», — закричал он изумленному Меркати и в тот же миг, поворотив коня, исчез в тумане.

Два дня спустя после этого видения Меркати получил известие, что в тот день и час, когда было видение, Марсилий умер во Флоренции.

(«Северная звезда», 1877 г., № 9.)

Участие умерших в судьбе живых и особенно родных и друзей

Молодой немецкий офицер, человек образованный и пользовавшийся самой лучшей репутацией, горячо полюбил молодую девушку в одном с ним городе. Она отвечала ему взаимностью, и вскоре он стал ее женихом.

Между тем полк его вошел в состав немецкого вспомогательного корпуса, который Наполеон I двинул во время войны на Россию. Однажды упомянутый офицер во время бивуака, лежа в своей палатке в полудремоте, вдруг увидел свою невесту; она подошла к его постели, села на край и спокойно сказала: «Я в этот самый вечер перешла в другой мир и теперь нахожусь на небе. По милости Всевышнего, мне разрешено самой объ-

явить тебе о моей кончине для того, чтобы ты не предавался горю, а жил бы спокойно, с убеждением, что мы свидимся в загробном мире, где соединимся навеки».

Явление смутило молодого человека, хотя он и не придавал никакого значения снам; в душе его осталось чувство грусти, и ни занятия, ни развлечения не могли разогнать ее.

На следующую ночь повторилось то же видение. На этот раз невеста упрекнула своего жениха, что он не поверил с первого раза.

Трудно описать впечатление, произведенное на офицера повторением этого явления; но, принимая его, как и в первый раз, за сон или за игру воображения, он старался рассеять грустные мысли и искал развлечений в обществе товарищей.

На третью ночь он снова увидел свою невесту. Вне себя от недоумения, не зная, что думать и чем объяснить видение, он вскочил с постели и, несмотря на ранний час, вышел из палатки, чтобы сколько-нибудь освежиться и успокоиться.

Спустя немного времени он получил письмо с известием, что невеста его умерла в тот самый день и час, когда в первый раз она явилась ему и сообщила о своей смерти.

(«Ребус», 1891 г., № 23.)

В начале нынешнего столетия в одном из губернских городов проживал некто Н., отставной чиновник, довольно пожилых лет, человек добрый и истинно благочестивый. Он был очень дружен с В., сотоварищем своего детства и сослуживцем, одинаковых с ним лет и одних воззрений на вещи. Когда умер В., товарищ его усердно молился Богу об упокоении своего друга, причем время от времени раздавал милостыню за спасение его души. Часто он думал о загробной участи друга.

В сороковой день после кончины В. друг его, сидя в своей комнате, услышал скрип дверей. Приподняв глаза, видит входящего в комнату умершего своего друга В. «Благодарю тебя, друг, — сказал тихим голосом явившийся, — за твои усердные обо мне молитвы и за милостыни, которые много помогли мне. По милости Божией, я избавлен от ада: обитель моя покойна». С ужасом и изумлением слушал Н. чудного пришельца, не смея его прерывать. «Прости, друг, до свидания в вечности, — промолвил явившийся, — уповаю, что скоро мы свидимся, будем обитать вместе, а пока потрудись еще для вечного своего спасения», — и с этими словами скрылся за дверь.

Набожный Н. усилил свои благочестивые подвиги, предоставив все житейские попечения

старшим своим детям. Спустя два года после своего видения он, коленопреклоненный на молитве, тихо и мирно скончался.

(«Душеполезн. чт.», 1868 г., ч. I.)

У монаха Ионы умер сын Косма, бывший послушником в Чудове монастыре. В пятницу под Лазареву субботу, около полуночи, Иона встал поправить лампадку и видит, что дверь отворилась, входит сын его в белой рубашке, а за ним два мальчика, прекрасно одетые.

— Косма, зачем ты пришел, не тронь меня, я боюсь тебя, — сказал отец.

— Не бойся, батюшка, я ничего не сделаю, — ответил он и поцеловал отца.

— Ребятушки, вы не уходите, не оставляйте меня одного с ним, — проговорил Иона. — Какво тебе, Косма, там?

— Слава Богу, батюшка, мне хорошо.

Отец еще хотел спросить о чем-то, но сын встал и поспешно проговорил: «Прости, батюшка, мне нужно навестить старца» и, не сказав, какого, вышел с мальчиками вон из кельи.

(Монастыр. письма, XVI.)

«В 60-х годах я жила в селе Красном, в имении Раевского, с сыном Виктором», — так рассказывает Бернаскони, старушка 65 лет. — Это был замечательный ребенок, подвижной, умный, развитой не по летам и притом отличался замечательной набожностью. Все окружающие его любили, не исключая простонародия. Когда ему исполнилось пять лет, он заболел дифтеритом. Однажды утром он мне говорит: «Ну, мама, я должен умереть сегодня, а потому ты мне ванночку сделай, чтобы я мог явиться Богу чистеньким». Я стала возражать, что ему от этого хуже сделается, он может простудиться, но он настойчиво требовал ванну, и я уступила его просьбе — умыла его, одела в чистое белье и положила на кроватку.

— А теперь, мама, дай мне образок сюда, тот, который я так люблю, — попросил он, и я исполнила его просьбу.

— Скорей, мама, дай мне в руку свечку, я сейчас умру, — требовал ребенок, и я зажгла восковую свечку и вложила ему в руку.

— Ну, теперь прощай, мама! — были последние слова ребенка; он закрыл глаза и тотчас же скончался.

Для меня потеря этого ребенка составляла безысходное горе, я днем и ночью плакала, не находя ни в чем утешения. Но вот однажды зимою я, проснувшись утром, услышала с левой стороны моей кровати голос моего ребенка Виктора, который звал меня:

— Мама, мама, ты не спишь?

Пораженная, я ответила: «Нет, не сплю», — и повернула голову в ту сторону, откуда раздался голос, и — о чудо! — я увидела моего Виктора, стоявшего в светлой одежде и грустно смотревшего на меня. Казалось, что свет прямо шел от него, потому что в комнате было настолько темно, что без этого я не могла бы увидеть его. Он так близко стоял от меня, что первый порыв мой был броситься к нему и прижать к сердцу; но едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как он предупредил меня: «Мама, ты меня не трогай, меня нельзя трогать», — и при этих словах отодвинулся несколько назад. Я стала молча любоваться им, а он между тем продолжал говорить: «Мама, ты все плачешь обо мне, зачем ты плачешь? Мне ведь хорошо там, но еще лучше было бы, если бы ты меньше плакала. Ты не плачь», — и исчез.

Через два года Виктор снова явился мне наяву, когда я была в спальне: «Мама, зачем тебе Оля, она тебе лишняя», — сказал он (Оля моя дочь, которой было в ту пору около года). Тогда я спросила: «Неужели вы и ее возьмете?» Он сказал: «Она лишняя», — и исчез. За две недели до ее смерти он опять явился и сказал: «Мама, тебе Оля лишняя; у тебя все большие, она тебе будет только мешать». Я была уверена, что дочь моя умрет, и через две недели, придя домой, нисколько не удивилась, когда нянька объявила, что у ребенка жар, и затем через два дня Оля моя умерла».

(«Ребус», 1893 г., № 2.)

«Идя по скиту, — так рассказывает один из монашествующей братии Троице-Сергиевой лавры, — зашел я к умирающему Вуколу, послушнику покойного схимонаха Моисея. В тот день, когда я был у него, его соборова-ли маслом. Увидав его в благодушном состоянии, я спросил:

— Что, о. Вукол, видно в путь собираешься?

— Да, батюшка, помолись, да пошлет мне грешному Господь Свою милость.

— Кланяйся от меня старцу своему о. Моисею.

— Я ныне, — говорит больной, — виделся с ним, он был у меня, и вот здесь читал акафист Богоматери, и меня, как и прежде бывало, заставил петь припевы, и так все правило совершил у меня. И сказал мне с радостью: «Мы с тобою и там вместе будем жить, мне позволено придти проводить тебя туда». Помолились мы еще с ним, и я как бы совершенно был здоров, перекрестил он меня и отошел. Так я, батюшка, жду не дождусь, когда пошлет Господь перевести меня отсюда. Отец Моисей сказал, что там несказанно хорошо».

(Монастыр. письма, XXXV.)

«В наше время, — так рассказывает один пустынник, — был брат, по имени Иоанн, который нес послушание чтеца. Спустя некоторое время после своей

смерти он явился не во сне, а наяву своему отцу духовному Савве. Иоанн стоял в дверях кельи нагой и обгорелый, как уголь. С горькими слезами он испрашивал себе милостыню и прощение, исповедуя своему отцу духовному свои грехи, за которые несет ужасные мучения. «Я, — говорил он, — всегда противился и смеялся закону и писаниям». Через несколько дней видение повторилось. Явившийся просил духовного отца рассказать о его грехе всей монашествующей братии, иначе он сам будет отвечать по смерти».

(Пролог, 23 августа.)

Просьба умерших о поминовении их и благодарность за молитвы живых

«Возвратясь от заутрени в первый день Пасхи, я, — передает А.Т.Б., — легла спать и едва забылась, как услышала у самого своего изголовья, что кто-то горько плачет. Сердце сжалось у меня от жалости; боясь открыть глаза, я робко спросила: «Надя, это ты, моя родная?» и боялась услышать ответ, ибо мне пришло в голову, что, может быть, сестра моя Надя, давно скончавшаяся, не получив блаженства в вечной жизни, явилась мне для испрошения молитвы, но на мой вопрос нежным, грустным, девичьим голосом, дрожащим от рыдания, послышался ответ: «Нет, я не Надя».

— Кто же вы? — спросила я. — Скажите, что вам нужно? Я все сделаю. — Тогда рыдания усилились, и плачущая отвечала:

— Я Варвара П., ради Бога, помолитесь обо мне, помяните меня за литургией.

Я обещалась, и рыдания утикли. Я открыла глаза, в комнате уже было светло, и никого не было.

Когда приехали к нам родственники П., я спросила зятя мужа моего, как звали его сестру, скончавшуюся недавно в Москве. Он ответил: «Варварой Николаевной». Тогда я передала мое видение. Он был поражен рассказом и немедленно озаботился о поминовении сестры своей».

(«Душеполезные размышления»,
1882 г., вып. 5.)

Св. Григорий Двоеслов рассказывает, что некий пресвитер (священник) имел обыкновенные мыться в теплицах. Однажды придя в баню, он застал там какого-то незнакомого ему мужа, который стал ему помогать раздеться. Незнакомец снял с пресвитера сапоги и взял его одежду на хранение. Когда пресвитер вышел из бани, то он подал ему полотно отереть пот, помог ему одеться и все это делал с великим почтением. Так повторялось несколько раз, т. е. пресвитер этот, приходя в баню, встречал там незнакомого человека, который молча делал ему услужение. Желая выразить ему свою благодар-

ность за его усердие, пресвитер однажды, идя в баню, взял с собою две просфоры, чтобы дать их усердному незнакомцу, и вот по обыкновению он здесь встретил его. Затем, когда выходил из бани, просил принять просфоры в знак любви к нему. Незнакомец с плачем сказал ему: «Отче, для чего ты мне даешь это? Я есть не могу. Я был некогда хозяином этого места, но за грехи мои здесь осужден. Если желаешь сделать для меня что-нибудь, то принеси за меня сей хлеб Всемогущему Богу и помолись о грехах моих, и знай, когда придешь мыться сюда и не найдешь меня более здесь, это будет означать, что твоя молитва услышана Богом».

Сказав это, незнакомец мгновенно стал невидим. Тогда пресвитер понял, что человек, доселе являвшийся ему, был дух. Пресвитер провел по нем целую неделю в слезах и молитве о прощении его грехов, принося каждый день бескровную жертву.

Через неделю он пришел снова в баню и уже более не нашел здесь незнакомца и после никогда не встречал его.

(«Беседы Григория Двоеслова»,
кн. IV, гл. 55.)

«Моя племянница Юленька живет у нас уже семь лет, — рассказывает г-жа Д. — Я взяла ее трехлетним ребенком тотчас после смерти ее матери, а моей

сестры. Теперь ей минуло десять лет. До последнего времени она была девочка здоровая и веселая, никогда не задумывалась и хорошо училась. Раз утром она говорит мне: «Тетя, я видела во сне мою мамашу, она обещалась придти ко мне наяву и сказала, чтоб я не боялась ее». Три дня спустя, тоже утром, когда Юля твердила свой урок из географии, она вдруг встала и пошла по направлению к двери, как бы к кому-нибудь навстречу, сказав при этом: «Мамаша пришла». Затем протянула руку и подняла голову, как бы для получения чьего-то поцелуя, и села на стул рядом с другим, на который, как нам сказала, присела ее мать. Потом Юля говорила, что мать велела передать мне то-то и то-то. При этом заговорила о таких вещах, которые были ей совершенно неизвестны, а главное не доступны в ее лета. Так, например, она рассказывала факты из прошлого, известные только покойной сестре и мне, и передавала такие рассуждения от ее имени, каких ни один десятилетний ребенок не только не мог бы сам придумать, но даже и передать с толком и последовательно. Впоследствии мы вели с покойной сестрою через Юлю целые разговоры. Явления эти повторялись часто в продолжение целых шести месяцев, и мы совершенно привыкли к ним. Одно место в зале было, по-видимому, любимым у посетительницы из загробного мира — на него обыкновенно она садилась и начинала разговор с дочерью. «Скажи тете, — сказала она однажды, — что я могла бы сделаться видимою и для нее, но она не вынесет и может заболеть, потому-то и говорю с нею через тебя, — дети мень-

ше нас бояться, чем взрослые». Очень часто она просила молиться о ней и как-то раз даже заказала отслужить по ней заупокойную обедню и панихиду. Мы все тогда отправились в церковь. Наш священник уже привык к нашим рассказам и перестал им удивляться. Только что началась обедня, как Юленька сказала: «Вот и мамаша пришла со своею подругой», и при этом она по обыкновению пошла к кому-то, для нас невидимому, навстречу, с кем-то поздоровалась и, вернувшись на свое место, прибавила: «Они обе стали на колени пред царскими дверями». В начале панихиды Юленька сообщила: «Мамаша сказала, что ей не такую надо панихиду, а сугубую». Я подошла к священнику и повторила ему просьбу покойницы, причем спросила: «Действительно ли есть сугубая панихида?» «Так она не называется, — сказал священник, — но все равно я понимаю, что вам нужно, — это очень просторная заупокойная служба, отправляемая больше по монастырям. Хорошо, я отслужу такую». Когда запели: «Со святыми упокой», Юленька сказала: «Мамаша плачет, молится и говорит: куда уже мне со святыми, хотя бы немного успокоиться». В одно из своих явлений она сказала Юленьке: «Отец твой скоро женится, но ты не пугайся, мамаша твоя будет добрая и очень тебя полюбит; даже оставит в наследство тебе все свое состояние». Предсказание это исполнилось буквально.

По прошествии шести месяцев, она объявила, что миссия ее кончена и она более приходить не будет. Под конец своих посещений сестра приходила вдвоем — с одной своей приятельницей, то-

же умершей, совсем неизвестной Юле, но хорошо знакомой мне, и от той я не раз получала привет через Юленьку. Сестра постоянно просила меня молиться за нее, хотя до той поры мы в нашей семье, откровенно сказать, были не особенно богомольны, а тут по просьбе сестры стали очень часто ходить в церковь».

(«Ребус», 1884 г., № 41.)

Архимандрит Симеон, живя в Екатеринославле, был дружен с одним благородным семейством. Отец этой семьи умер в феврале 1844 года. В это время о. Симеон уже служил в Воронеже. В числе осиротевшей семьи была дочь Любовь, которая страдала чахоткою. 6 августа того же года больная приобщилась Св. Таин, не снимая с себя траура. Мать заметила ей, зачем она ради причастия не сняла с себя траура, на что она ответила: «Я 15 числа наряжусь». И действительно, в день Успения Божией Матери она надела на себя полное венчалное убранство, послала за священником и снова приобщилась Св. Таин. Потом попросила читать ей отходные молитвы и во время чтения их, обращаясь к умершему отцу своему, как бы явившемуся ей, сказала: «Папенька, милый папенька, подождите». С последним словом отходной улетела душа ее.

В тот же день и час, когда она умерла в Екатеринославле, о. Симеон увидел в Воронеже наяву

отца скончавшейся девицы, который сказал ему: «Вам в Екатеринославле надо утешить скорбных, а Любонька со мною, но вы и нас не забывайте».

(Монастыр. письма, 1884 г., XVII.)

«В 1851 году в ноябре наши певчие отправились от нас в Иерусалим, — рассказывает святого-рец о. Серафим. — В драгоманы дан был им монах Н., который немного ранее этого хотел оставить обитель. Бог весть, какова была жизнь его и особенно в Иерусалиме; только впоследствии было открыто его злоупотребление именем обители: он сделал ложную подпись игумена на листе с казенной монастырской печатью и с этим листом производил сбор в Палестине. Счастливо кончился срок их странствования; протекла Пасха; наши певчие уехали из Яффы на Синай, и Н. В числе русских поклонников сел на корабль, отправлявшийся из Яффы к нам на Афон.

В первую ночь, когда улеглись все по местам на корабле, в ночной темноте, во время качки, Н., одетый в русскую шубу, зачем-то пробрался на переднюю часть корабля и Бог весть как оборвался и полетел в море... Раза три доносился до корабля умоляющий его голос: «Спасите, спасите!», но через несколько минут эти слова замерли в отдалении, и самый звук голоса слился с во-ем ветра и бури. Н. утонул.

Спустя неделю после этого несчастья, именно в конце ноября, один из монашествующей братии С. вдруг был поражен видением. Утопленник Н. входит в его келью и только что переступил порог, сказал: «Не пугайся меня, я не привидение, а действительно Н.» Брат С. всмотрелся в лицо покойного и с недоверчивостью спросил: «Да не бес ли ты?»

— Нет, — отвечал явившийся, — я истинно Н.

— А прочитай: «Да воскреснет Бог», — сказал ему С., — и перекрестись, тогда поверю, что ты не бес.

— Ты перекрести меня, — заметил на это явившийся, — ты и прочитай «Да воскреснет Бог», тогда и убедишься, что я точно Н.

С. перекрестился и начал читать молитву. Когда дошло до слов: «Тако да погибнут беси от лица любящих Бога», Н. перебил его и прочитал: «Тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся», и глубоко вздохнув, задумался. Потом он смиренно начал просить, чтобы помолились о нем.

— Разве ты нуждаешься в наших молитвах? — спросил С.

— Ах, и как еще нуждаюсь! — отвечал он со вздохом и, взяв С. за руку и крепко сжав, продолжал: Помолитесь, пожалуйста, обо мне.

— Да я и о себе-то не знаю, как молиться, — возразил С., — об этом надо просить духовника.

— И попроси, — сказал явившийся, — попроси и всю братию, чтобы помолились обо мне.

— Да садись же, — сказал ему С.

— Ах нет, мне ведь дано немного времени, и я издалека, издалека летел сюда и спешил....

Тут вдруг пришло на мысль С. просить Н. о том, чтобы он примирился с братиею.

Н. задумался, потом вздохнув, с печалью произнес: «Не то уж теперь время».

Между тем С. заметил что у покойника пробит головной череп.

— Это что у тебя? От чего? — спросил он явившегося, указывая на раны.

— А когда принесло меня по волнам к берегу, голова моя разбилась о камень.

Затем, еще попросив, чтобы молились о нем, Н. торопливо произнес, что ему уже время возвращаться, и исчез».

*(Соч. Святогорца —
Письма к друзьям, т. III.)*

2 июля 1893 года к преосвященному Мартиниану, епископу Таврическому и Симферопольскому, явились настоятель петропавловской церкви о. Димитрий Койко и один из членов местной интеллигенции, человек с высшим образованием, и доложили владыке о нижеследующем.

В ночь под 30-е июня означенному лицу приснился сон, что к нему подошел какой-то офицер с окровавленной повязкой на голове и просил его передать священнику петропавловской церк-

ви вопрос, почему тот не молится за него, а равно не молится тем угодникам Божиим, мощи которых находятся в пожертвованной им иконе, причем прибавил, что на Илию образу этому исполнится 200 лет. Видевший этот сон немедленно утром отправился к настоятелю петропавловской церкви и сообщил ему свое сновидение. На это о. Димитрий заметил, что в церкви нет 200-летней иконы, так как самая церковь существует лишь с 1805 года, а равно нет икон с частицами мощей, но что его удивляет явление офицера во сне, так как в церкви есть икона, которую, как рассказывал ему предместник его, протоиерей Руднев, ныне уже умерший, во время Крымской кампании привез какой-то офицер и оставил в церкви под условием, что если он возвратится из Севастополя, то возьмет обратно икону, если же не возвратится, то жертвует ее в храм. Неизвестный офицер не возвратился, и икона осталась в церкви. Это совпадение сна об офицере с вышесказанной иконой побудило о. Димитрия Койко осмотреть эту святыню, причем о. Димитрий как лицу, передавшему сон, так впоследствии и владыке засвидетельствовал, что, состоя 14 лет при церкви, он ни разу не открывал того образа. Немедленно послали за диаконом, и все три лица отправились в церковь для осмотра иконы. Икона представляет кипарисную доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также лики нескольких угодников. В особом углублении помещается серебряный крест. Когда его с большим трудом вынули, то оказалось, что он раздвигается и в середине его нахо-

дятся мощи св. Лазаря, св. великомученика Феодора Стратилата, св. ап. и евангелиста Луки и св. первомученика и архидиакона Стефана. Надписи указывают, что тут были еще и другие частицы, в том числе первомученицы Феклы. Но осматривающих ожидало еще большее удивление: внизу креста чуть заметною славянскою вязью стояла вырезанная надпись, гласящая: «... году, т. е. 7291 г. от сотворения мира», а следовательно — в нынешнем году исполнилось иконе 200 лет.

Когда об этом было доложено преосвященному Мартиниану, то владыка сделал распоряжение, чтобы в этой церкви ежегодно были совершаемы заупокойные ектении о воинах, павших на поле брани за Веру, Царя и Отечество.

(«Свет», 1893 г., № 189.)

В одном приходе по случаю смерти священника место его занято было другим. Но, к прискорбию прихожан, вновь назначенный иерей через несколько дней после первого богослужения, совершенного им в церкви, отошел в вечность. Назначен был новый священник. По приезде в приход он вступил в должность и в первый же воскресный день отправился в церковь для богослужения. Войдя в алтарь, священник невольно остановил свои взоры на одном страшно поразившем его предмете: вблизи престола стоял незнакомый ему священник в полном облачении, но

скованный по рукам и ногам железными цепями. Не понимая, что это значит, новый священнослужитель однако не потерял духа и приступил к совершению божественной литургии.

Лишь только окончена была служба, к новому удивлению служившего обедню, привидение вдруг исчезло. Священнодействующий иерей понял, что виденный им священник есть обитатель загробного мира; но что означало необычайное явление его в таком устрашающем виде, не мог разгадать. Одно только заметил, что незнакомый ему узник и собрат в продолжение всей службы не вымолвил ни слова и только время от времени, приподнимая скованные руки, указывал на одно место помоста в алтаре, на котором по-видимому ничего особенного не было. То же самое повторилось и в следующую затем службу, с той лишь разницей, что новый священник по входе в алтарь прежде всего обратил внимание на то место, на которое указывало привидение. В углу на полу, поблизости жертвенника, он заметил старый небольшой мешок. Когда он развязал его, то нашел в нем немалое число записок с именами умерших и живых лиц, какие обыкновенно подаются для поминовения на проскомидию. Как бы по внушению свыше, священник понял, что записки эти при жизни стоявшего тут скованного собрата его, бывшего настоятелем этой же церкви, вероятно, остались не прочитанными им в свое время. Посему, начав службу, он первым делом помянул на проскомидии имена живых и умерших, сколько было их в записках и тут же увидел, какую важную услугу он оказал загробному обитателю исполнением того,

что должен был сделать последний во время своей земной жизни, ибо едва только успел окончить чтение помянутых записок, как железные оковы в одно мгновение спали с рук и ног узника, а сам он подошел к служащему священнику и, не говоря ни слова, поклонился ему в ноги до лица земли. Затем вдруг ни его, ни железных оков не стало видно. После этого существо загробное не являлось уже более во время божественной службы.

(«Странник», 1867 г., т. I.)

«В стране моей, — говорит блаженный Кир-Лука, — умер князь и был погребен, как должно. Однажды, проходя мимо кладбища, я увидел при одной могиле стоящего человека черного, как потухший уголь. Он звал к себе.

Я подошел и вот что услышал: «Я написал в завещании моем раздать бедным оставленные деньги за спасение моей души, и это завещание мое не исполнено до сих пор. Скажи, чтобы раздали непременно, а иначе я останусь навсегда в том положении, в каком ты меня видишь».

(Пролог, 24 августа.)

Плиний младший рассказывает, что в Афинах был очень красивый дом, в котором однако никто не жил, так как в нем являлось привидение. Однажды в этот го-

род прибыл философ Афинадор и, узнав, что указанный дом продается слишком дешево, купил его и переехал жить. В первую же ночь, когда Афинадор по обыкновению читал и писал, вдруг раздалось бряцание, как бы от железа, и потом явился старик, скованный цепями. Старик подошел к Афинадору, но тот не обратил на него внимания, продолжая писать. Привидение сделало знак, чтобы Афинадор следовал за ним, но философ со своей стороны сделал ему знак, чтобы явившийся обождал. И по-прежнему продолжал писать. Потом взял свечу и последовал за явившимся стариком. Вышли на двор, и здесь вдруг в одном месте привидение исчезло в землю. Афинадор, несколько не испугавшись, заметил это место, вырвав немного травы. На другой день он известил о случившемся городские власти. Когда начали рыть в указанном месте землю, открыли кости скованного цепями человека. Кости преданы были обычному погребению, и в доме с тех пор старик в цепях больше не являлся.

(Душеполезн. размышления, 1883 г., вып. 3.)

В Соединенных Штатах, в г. Филадельфии, был дом, известный под именем «непокойного», так что никто не решался жить в нем. Однажды в этот город приехали две сестры с намерением остаться жить здесь.

Они искали себе квартиру, и кто-то указал им на этот дом. Хозяин непокойного дома согласился

пустить их без всякой платы, не скрывая однако причины, по которой он остается давно без жильцов. Сестры переехали на жительство в страшный дом.

В первые два-три дня они ничего особенного не замечали. Но вот однажды ночью, когда они уже легли было спать, в доме поднялся какой-то непонятный шум, так что они поневоле перепугались. Встав с постели, одна из них спросила: «Кто здесь и чего нужно?» Вдруг, как будто из земли, явился незнакомый мужчина и говорит: «Вот так давно бы спросили меня, почему я и давал о себе знать всякими способами. Я прошу вас помочь мне, а в чем именно, выслушайте меня. Несколько лет тому назад, я был хозяином этого дома. Однажды ко мне приехал мой племянник-сирота, которому я предложил жить у меня. Он был человек бедный. У меня было намерение оставить ему все состояние, так как кроме него у меня никого не было из родных. Я полюбил его и ничего от него не скрывал, так что он знал, что у меня были большие деньги. Однажды ночью он зарезал меня и труп мой скрыл в этой самой комнате под полом, а деньги, сто тысяч долларов, украл и в ту же злосчастную ночь уехал из этого города по железной дороге и теперь живет под чужим именем вдали отсюда.

Прошу вас заявить об этом полиции, которая найдет мой труп под полом и предаст надлежащему погребению, и я тогда уже успокоюсь».

На другой день сестры заявили об этом кому нужно, и действительно был найден под полом скелет человека, который и предан был земле по

христианскому обряду. С тех пор в доме стало спокойно.

(Сообщено словесно одним из интеллигентных лиц.)

Дорогою, когда Ломоносов плыл морем из-за границы в свое отечество, случилось с ним происшествие, которое он никогда не мог забыть. Михаил Васильевич видел во сне своего отца, выброшенного кораблекрушением и лежавшего мертвым на необитаемом, неизвестном острове на Белом море, но памятном ему с юности, потому что он некогда был прибит к нему бурей с отцом своим. Лишь только он приехал в С.-Петербург, как поспешил справиться об отце у своих земляков и узнал, что он еще прошлою осенью отправился на рыбную ловлю и с тех пор не возвращался, а потому полагают, что с ним случилось несчастье. Ломоносов так был поражен этим известием, как прежде своим сновидением, и дал себе слово отправиться на родину, отыскать тело несчастного отца на том самом острове, на котором он ему приснился, и с честью предать земле. Но так как занятия в С.-Петербурге не позволяли Ломоносову исполнить это намерение, то он с купцами, возвращавшимися из С.-Петербурга на его родину, послал к тамошним родным своим письмо и поручил брату исполнить это предприятие. Желание его было исполнено в то же лето: ватага холмо-

горских рыбаков пристала к указанному острову, действительно отыскали мертвое тело Василия Ломоносова, похоронили и взвалили большой камень на могилу.

(История Импер. Академии Наук, в С.-Петербурге, т. II, стр. 312.)

В 1831 году 28 февраля скончался в Москве от инфантерии генерал Степан Степанович Апраксин. В молодых годах он коротко познакомился с князем Василием Владимировичем Долгоруковым. Оба они служили в одном полку: первый в чине полковника, второй майора. Долгоруков умер в 1789 году в совершенной бедности, так что не было средств похоронить его. Друг его Степан Степанович Апраксин устроил на свой счет погребение и поминовение князя; казалось, он отдал последний долг как бы родному брату.

На третий день после похорон умерший Долгоруков явился к своему благодетелю с тем, чтобы принести ему свою благодарность. Таинственный гость предсказал неизменному и сердобольному другу долгую и благополучную жизнь на земле и обещался явиться незадолго до его кончины. После того добрый Апраксин был особенно внимательным к нуждам бедных и радовался всякий раз, когда представлялся ему случай к благотворительности.

Прошло 42 года, и верный своему обещанию князь Долгоруков вторично посетил старца-генерала в десять часов вечера. Прежде всего князь счел нужным напомнить о себе и о том благодеянии, какое ему было оказано много лет тому назад, потом увещевал своего друга готовиться к смерти, имеющей последовать через 20 дней, обещался еще раз посетить его за три дня до его кончины и вдруг вышел из комнаты. Апраксин поверил словам загробного вестника: исповедался, причастился и освятился елеем. За три дня до смерти он пригласил к себе на ночь одного своего друга. В 11 часов ночи явился Долгоруков и вступил в беседу со старцем Апраксиным. Присутствовавший его друг после рассказывал многим, что во время разговора Апраксина с Долгоруковым он ощущал невольный страх, хотя явившегося князя не видал, но голос его слышал. Через три дня Апраксин скончался. После его смерти в Москве долго носилась молва о его свиданиях с покойным Долгоруковым.

(Душеполезн. чт., 1867 г., ч. I.)

Один священник с особенным усердием поминал за литургией покойников, так что если кто раз подавал ему записку о поминовении, он выписывал имена усопших в свой синодик и, не говоря о том подавшем, поминал всю жизнь. При соблюдении такого правила, у него составилась синодик с таким много-

тысячным перечнем имен, что пришлось ему разделить его на отделы и поминать по очереди.

Случилось, что он впал в какую-то погрешность, так что ему угрожало устранение от прихода. Дело было передано московскому митрополиту Филарету, и когда преосвященный уже собирался положить резолюцию об устранении его, вдруг почувствовал какую-то тяжесть в руке. Митрополит отложил подпись журнала до следующего дня. Ночью он видит сон: перед окнами собралась толпа народа разного звания и возраста. Толпа о чем-то громко толкует и обращается с какой-то просьбой к митрополиту.

— Что вам нужно от меня? — спрашивает архипастырь, — и что вы за просители?

— Мы отшедшие души и явились к тебе с просьбой: оставь нам священника и не отстраняй его от прихода.

Впечатление этого сновидения так было велико, что Филарет не мог отделаться от него по пробуждении и велел позвать к себе осужденного священника. Когда тот явился, митрополит спросил его:

— Какие ты имеешь за собою добрые дела? Открой мне.

— Никаких, владыко, — отвечал священник, — достоин наказания.

— Поминаешь ли ты усопших? — спросил его митрополит.

— Как же, владыко, у меня правило: кто подаст раз записку, я уж постоянно на проскомидии вынимаю частички о них, так что прихожане ропщут, что у меня проскомидия длиннее литургии, но я уж иначе не могу.

Преосвященный ограничился переводом священника в другой приход, объяснив ему, кто был ходатаем за него.

(«Странник», 1862 г., май.)

Явление умерших в момент смерти их

Замечательный мыслитель, светский, но широко знающий всю богословскую литературу, рассказывает преосвященный Никанор, архиепископ Одесский, передал ему следующее. Один кавказец сидел ночью у себя в квартире и читал книгу. Поднимает глаза — и видит против себя в углу туман. Машет рукою, чтобы туман рассеять, но из тумана выделяется светлая фигура его невесты, которая была в эту минуту далеко в России. Тот невольно падает пред тенью на колени. Невеста кладет ему венок на голову и исчезает в тумане. Он долго чувствовал на голове как бы круг от венка. Идет сейчас к своим родителям и рассказывает о видении. Записали день и час, и что же? — в этот день его невеста умерла.

(«Странник», 1887 г., сентябрь.)

«В 1858 году, находясь на службе в Москве, — рассказывает некто Владимир Энгельгард, — я в начале февраля был командирован в Архангельск по делам службы. Перед самым отъездом написал письмо моей матушке, жившей в Петербурге, убедительнейше прося ее заочно благословить меня в путь-дорогу. Потом немедленно я отправился. Остановившись на одной станции отдохнуть и не успев лечь на диван, я, к крайнему моему удивлению, вдруг вижу в нескольких шагах от меня матушку мою в сопровождении сестры моей, скончавшейся в 1846 году. Пораженный этим непостижимым видением, я не мог ни пошевелинуться, ни тронуться с места, но пристально и, признаюсь, с каким-то непонятным страхом, смотрел на явившихся мне дорогих лиц. Матушка, совершенно как живая, благословила меня крестным знамением. Я внезапно взял спичку и зажег свечку, и в светлой комнате не стало видения!.. Это событие произошло с 12 на 13 февраля 1858 года в третьем часу утра. Прибыв в Архангельск, я получил письмо от зятя с известием, что в эту самую ночь матушка моя скончалась».

(Душепол. чт., 1870 г., март.)

Один общеизвестный деятель Славянского благотворительного общества, отлично знающий Св. Писание, канонику, церковную историю, рассказы-

вает преосвященный Никанор, передал ему следующее про своего брата офицера. Брат его в одном городе ехал с товарищем домой с вечерней пирушки в одном экипаже. Приехал и вошел в свою квартиру, а товарищ поехал дальше в свою квартиру. Входит брат в кабинет с собакою, сопровождаемый денщиком, и за письменным столом, к ним спиною, сидит его товарищ, с которым он только что, сию минуту, расстался. Денщик говорит: «Вот и не заметил, как они вошли». Даже собака обнаруживала признаки, что видит постороннего человека. Брат заглянул в лицо сидящему и видит ужасно мертвенное лицо товарища. В ту же минуту слуга товарища прибежал доложить, что барин сию минуту воротился домой и умер.

(«Странник», 1887 г., сентябрь.)

«Вскоре по выпуске в офицеры дядя мой Логгин Иванович Греч отправился к армии, действовавшей против турок, — рассказывает в своих записках Н. И. Греч. — Умер он в 1772 г. от моровой язвы в Яссах. Он был любимцем своей матери и, как говорит семейное предание, явился ей в минуту своей смерти. Моя бабушка, а его мать однажды после обеда легла отдохнуть; вскоре выбежала она из своей спальни встревоженная и спрашивала у домашних: «Где он? Я еще не спала». «Кто?» — спрашивают

ее домашние. «Как кто? Сын мой, Логгин Иванович! Я начала было засыпать, вдруг услышала шорох, открыла глаза, и вижу, что он проходит бережно, с остановкой, мимо дверей спальни, чтобы не разбудить меня. Где он? Не прячьте его». Ее уверили, что Л. И. не приезжал и что ей это пригрезилось, и она со слезами убедилась в своей ошибке. В это время вошел в комнату зять ее Безак. Узнав о случившемся, он призадумался, вынул из кармана записную книжку и записал день и час этого случая. Через две недели было получено письмо, что в этот самый час Логгин Иванович скончался».

(Из записок Н. И. Греча.)

У Евдокии Петровны Елагиной занемог сын Рафаил. Мальчику, горячо любимому, было около двух лет. Он сильно страдал, и мать, не сводя с него глаз, сидела подле его кроватки. Нечаянно она взглянула на дверь и в это мгновение видит живо входящую Марью Андреевну Мойер (урожденную Протасову), свою подругу. Евдокия Петровна вдруг вскакивает со стула и бежит к ней навстречу с восклицанием: «Маша!» Но в дверях уже никого не было. С Евдокией Петровной сделалось дурно. В эту самую ночь и в этот самый час Марья Андреевна скончалась в Дерпте, как после было получено известие.

(Собран. соч. В. А. Жуковского, т. VI.)

Графиня Елизавета Ивановна, супруга Владимира Григорьевича Орлова, до замужества своего была фрейлиной императрицы Екатерины II. В бытность Высочайшего двора в Царском Селе (1767), Елизавета Ивановна,

имея пребывание в оном, занималась своим туалетом в присутствии нескольких молодых подруг, в том числе графини Елизаветы Кирилловны Разумовской. Веселые разговоры и смех оживляли их беседу. Между тем, среди полного рассеянья Елизавета Ивановна устремила взор свой на окно с приметной тревогой на лице, еще взглянула с большим удивлением и, посмотрев в третий раз, она вдруг вскочила с кресла, говоря: «Батюшка приехал! Он подходил к окну». Побежали в сад, но тщетно искали везде Стакельберга, его не было ни в доме, ни в саду. Глубокая печаль заменила радость на челе нежной дочери. Напрасно подруги старались разуверить ее, что видение было следствием думы — игра воображения. Молодая Стакельберг повторила, что она три раза видела отца своего, что сначала сама не хотела верить своим глазам, и продолжала тосковать. За обеденным столом у Императрицы фрейлины забавлялись насчет легковерной подруги. Государыня пожелала узнать предмет их разговора, и князь И. С. Барятинский исполнил ее волю. «Упокойся, — сказала Государыня, — отца твоего нет в Петербурге. Он не мог бы приехать сюда без моего позволения. Тебе так показалось. Советую, однако, для любопытства записать сие видение».

Через несколько дней получено было известие из Риги о кончине Стакельберга, и оказалось, что он умер в тот самый день и час, когда явился дочери.

(Словарь достопамятных
людей Русской земли.)

В «Могилевских епархиальных ведомостях» помещен следующий случай из жизни митрополита Платона. «В моей жизни, — говорит высокопреосвященный, — есть один случай, при котором я видел тень другого человека, да притом так живо и отчетливо, что вот как вас вижу теперь, обращаясь к своим слушателям. Это было в 30-х годах, когда я состоял инспектором С.-Петербургской духовной академии. У нас был в числе других студентов Иван Крылов из орловской семинарии, известный мне, когда я был там наставником. Учился он недурно, был хорошего поведения, благообразного вида. Раз он приходит ко мне и просит, чтобы я позволил ему отправиться в больницу. Я думаю себе: «Верно, он истощал, пусть там покормят его получше, и он поправится. А может быть, и курсовое сочинение там напишет». Проходит несколько времени, я о нем ничего не слышу, доктор ничего не говорит. Но вот однажды лежу я на диване и читаю книгу; смотрю — стоит Крылов и прямо смотрит на меня. Лицо его вижу так ясно, вот как вас, но тело его было как бы в тумане или

облаке. Я взглянул на него. Меня передернуло. Призрак точно понесся к окну и скрылся. Я еще раздумывал, что бы это значило, слышу стук в мою дверь, входит больничный сторож и говорит мне: «Студент Крылов Богу душу отдал».

— Давно ли? — спросил я в изумлении.

— Да вот минут пять, я только собрался к вам».

«Вот извольте разгадать эту тайну», — сказал архипастырь, обращаясь ко всем присутствовавшим при рассказе. Все молчали. «Все это, — заключил владыка, — несомненно доказывает нам какую-то таинственную связь между нами и душами умерших».

(«Могилевские епархиальные ведомости», 1883 г.)

«Моя служба заставляет меня дежурить в госпитале, — рассказывает доктор Вакуловский. — Дежурства эти продолжаются в течение суток и иной раз бывают чрезвычайно утомительны, так что ночью не удается и выспаться: то позовут к больному, то привезут человека, требующего немедленной помощи. Однажды во время дежурства, это было в минувшую зиму, я только что улегся спать, как вдруг стучит кто-то. Отворяю дверь — вижу фельдшера. «Ваше благородие, в палате № 5 такой-то больной очень плох». «Хорошо, — сказал я, — сейчас иду».

Поднимаюсь по лестнице и вижу, стоит больной в халате. «Зачем не спишь?» — сказал я, и вдруг его не стало. Неприятно сделалось. Прихожу в палату, а фельдшер говорит: «Сейчас умер». Прикладываю руку ко лбу — холодный, щупаю пульс — не бьется, кладу руку на сердце — все тихо. Умерший — вылитое лицо того, что попался мне навстречу на лестнице. Я не передавал никому об этом, только внес этот случай в свою записную книжку. Вернувшись в дежурную, я не мог тотчас же спать, а сел писать и написал статью по поводу столетия со дня рождения В.А. Жуковского, появившуюся потом в Русинской газете «Слово». Очевидно, мозг мой не был вовсе настроен к чему-либо фантастическому, о чем не замедлили бы говорить иные, если бы я вздумал рассказать им этот факт. Значит, не галлюцинация было то, что я увидел перед собой умершего больного».

(«Ребус», 1882 г., № 49.)

«В год кончины моей матушки, — рассказывает ветеран, служивший в конной артиллерии, — в начале нынешнего столетия, я получил от нее письмо, в котором она извещала меня, что собирается на все лето пожаловать к нам. Это было в конце зимы. Я отвечал ей, что буду чрезвычайно рад и приготовлю все для ее полного спокойствия. Зная, как она

любит цветы и всякого рода роскошь, я отделал заново большую половину дома, обращенную к саду и прилегавшую к оранжерее, а себе оставил половину, выходящую окнами во двор. Вечера еще были довольно долги, и я, по обычаю своему, каждый вечер после чая отдыхал на своей постели и что-нибудь читал. Однажды, лежа в спальне, вдруг вижу — дверь моей комнаты отворяется, и входит матушка. Я мгновенно вскочил с постели и, запахнув халат, бросился к ней навстречу, говоря: «Матушка, как я рад, что вы пожаловали», совершенно забывая, что это еще зима и что в доме не было никакого предварительного движения, возвещавшего ее прибытие. Она сделала несколько шагов ко мне, пристально посмотрела на меня и исчезла. Я был поражен. В первую минуту даже не мог сообразить, что у нас только конец зимы, а когда пришел в себя, то готов был уверять, что это была у меня точно матушка, так было реально это видение. Спустя недели две после этого случая я получил письмо от сестры Прасковьи Ивановны, которая извещала, что матушка умерла как раз в тот день и час, когда она явилась мне в тульской деревне».

(«Ребус», 1887 г., № 1.)

В г. Свенцянах Виленской губернии один шляхтич похоронил свою жену, умершую на последнем месяце беременности. Ребенок, по заключению вра-

чей, умер тоже, и шляхтич таким образом сразу лишился двух дорогих ему существ... Потеря эта подействовала на него чрезвычайно... Вернувшись с похорон домой, он пошел к себе в комнату и лег на диван, стараясь уснуть для того, чтобы хотя бы немного успокоиться от горя. Вместо облегчения сон принес ему однако нечто совершенно другое... Только он закрыл глаза, как вполне ясно увидел около дивана свою жену вместе с ребенком. Из глаз ее капали слезы, она протягивала к мужу руки и жалобным голосом говорила: «Зачем ты похоронил нас живыми?.. Зачем?» Шляхтич вскочил; на лбу его выступили крупные капли холодного пота. В комнате не было никого. Он перекрестился и, думая, что ему просто показалось, снова лег на диван. Через несколько секунд видение снова повторилось. На этот раз лицо жены было искажено ужасным страданием... Ребенок лежал у ее ног мертвый, широко раскинув ручки, с посиневшим лицом и выкатившимися из орбит глазами. Шляхтич не знал, что ему делать. Похороны жены его происходили утром, и он до глубокой ночи ходил по комнатам в доме своем, боясь заснуть и увидеть ужасную картину. Наконец ночью физическая усталость и душевное потрясение взяли свое. Он не мог более бороться со сном, лег и в третий раз увидал жену и ребенка. Жена стояла перед ним и укоризненно шептала: «Ты похоронил нас живыми, ты живыми нас похоронил». Шляхтич не выдержал. Утром, чуть в окна показался свет, он побежал на кладбище и заставил могильщиков разрыть могилу. Когда открыли гроб, глазам присутствовавших представилась

ужасная картина: женщина в могиле разрешилась от бремени и лежала мертвая лицом вниз, судорожно вцепившись зубами в подушку... Ребенок тоже был мертв.

*(Петербургская газета,
1893 г., № 208.)*

«Несколько лет тому назад, — рассказывает В. Стрит, — я сидел у себя дома с товарищами на площадке лестницы, которая вела из наших верхних комнат в большие сени, куда выходили комнаты отца, матери и сестры.

Вдруг все мы слышим громкий стук в дверь. Мать тоже слышала его и крикнула мне, чтобы я шел отворить. Не успел я сбежать с лестницы, как дверь отворилась сама, и в сени вошла моя тетка, старшая сестра моей матери. Она направилась прямо в гостиную. «Почему это тетка Тальбот прошла прямо в гостиную?» — удивились мы все, и пошли за нею в гостиную. Но там, к великому нашему удивлению, мы никого не нашли.

«Наверное мы услышим о ее смерти», — сказал отец, записывая день и час явления ее.

Вечером того же дня мы получили депешу, извещавшую нас о смерти тетки. Она скончалась в три часа дня, именно в тот час, когда мы видели явление ее».

*(«Петербургский листок»,
1892 г., № 112.)*

У помещика В. Дроцянского, жившего в деревне Кутилове, был брат, давно больной чахоткой. В то время, когда у Дроцянского гостило несколько человек соседей, им было получено письмо от жены больного брата, которая писала, что болезнь ее мужа приняла угрожающий характер, и она просила немедленно приехать к умирающему. Письмо это он показал гостям и сказал, что завтра же утром поедет к брату.

Выйдя из гостиной в переднюю, чтобы отдать нужные приказания прислуге, он с удивлением увидел в передней своего брата, который снимал с себя пальто. «Какая мистификация», — воскликнул он и возвратился в комнату, чтобы объявить своим домашним о приезде брата и показать последнему только что полученное им письмо. Спустя минуту он возвращается в переднюю к брату, но не находит его ни там, ни во всем доме. Дроцянский спрашивает прислугу и гостей, причем оказалось, что эти последние и особенно один из гостей, именно Жель, совершенно ясно видели брата в передней, но объяснить, каким образом он мог вдруг исчезнуть, они не могли. На другой день по утру Дроцянский получил телеграмму о кончине его брата в одиннадцать часов вечера накануне, как раз в то время, когда явился он. Этот факт произвел сильное впечатление среди местных жителей, особенно потому, что призраки видели несколько человек одновременно.

(«Ребус», 1893 г., № 1.)

«Я была еще маленькой девочкой, — рассказывает одна дама, — когда мне случилось быть свидетельницей необыкновенного следующего случая, который до самой смерти сохранился в моей памяти. Однажды вечером, только что я легла в постель, погасив свечи, вдруг вижу, к величайшему моему удивлению, перед камином, не совсем еще погасшим, сидит какой-то священник и греет себе руки. По своему телосложению, наружности и осанке он походил на одного из наших дядей, протоиерея, недалеко жившего от нас. Я тотчас сообщила об этом сестре, которая спала вместе со мною. Она взглянула на камин и увидела то же самое явление, причем в сидевшем также признала нашего дядю. Невыразимый ужас тогда овладел нами, и мы изо всех сил стали кричать и звать на помощь. Наш отец, спавший в соседней комнате, разбуженный этими отчаянными криками, вскочил с постели и прибежал к нам со свечей в руках. Привидение исчезло. На следующее утро мы получили письмо, из которого узнали, что наш дядюшка, протоиерей, скончался в тот самый день и час, когда мы его видели».

(«Петербургский листок»,
1883 г., № 127.)

Святогорец пишет: «Один архиепископ, жестоко страдавший меланхолическими припадками, усердно просил себе помощи у Бога. Раз во время вечерней молитвы он заметил, что в передней его комнате разлился свет, который постепенно усиливался, наконец окружил его самого. Тут же он увидел какую-то женщину и, всмотревшись в нее, узнал покойную мать свою. «Зачем так горько плачешь, сын мой? — спросила она. — Ты понимаешь ли, чего просишь у Господа? Для Господа не трудно исполнить твое прошение, но знаешь ли, чего через это лишаешь себя? Ты и сам не знаешь, чего себе просишь». И дав ему несколько наставлений, стала невидима».

(Письма Святогорца, 218.)

В 1851 году, апреля 20 дня, в Троицко-Сергиевой лавре умер иеромонах о. Симеон, которого похоронили с подобающей честью. На другой день после погребения один из духовных его детей М. рано утром, сидя у себя на кровати, занят был греховными помыслами. Но вот он чувствует, что кто-то около него; подняв голову, он увидел о. Симеона, который, подойдя к нему с веселым лицом и покачав головою, сказал: «Полно тебе греховным помыслам

предаваться — борись и сопротивляйся им, а обитатели обеими руками держись». Еще что-то назидательное он говорил, но М. так перепугался, что не мог запомнить всего сказанного.

(Монастырские письма, XXIX.)

«Это было давно, когда я еще учился в коммерческом училище, — рассказывает известный писатель Кельсиев. — Я жил на квартире, недалеко от училища, а отец мой с семейством жил на Васильевском острове. Он служил чиновником в таможне и занимал казенную квартиру около биржи. Занятый службою, он посещал меня редко. Однажды ночью, когда я еще не ложился спать и читал какую-то книгу, был один в комнате, вижу — моя дверь отворяется, и в комнату входит мой отец, бледный такой, печальный. Я несколько не удивился его приходу, зная его заботливость обо мне. Он прямо подошел ко мне и говорит: «Вася, я пришел тебя благословить... Живи хорошенько и не забывай Бога». Сказав это, отец благословил меня, как следует, и скрылся, т. е. вышел в эту же дверь.

Немного спустя после ухода моего отца ко мне стучат в дверь, так как я заперся, чтобы ложиться спать. Отворив дверь, я увидел кучера, приехавшего за мною. Он мне сказал, что отец мой только что скончался. И действительно, как оказалось, он умер не больше часу тому назад и

именно почти в то самое время, когда я увидел его у себя в комнате. Тут для меня стало ясно: отец благословил меня уже умерший».

(«Ребус», 1884 г., № 11.)

«Однажды вечером, или, пожалуй, уже ночью, — рассказывал император Павел I (когда он был еще великим князем), — я в сопровождении Куракина (князя) и двух слуг шел по петербургским улицам. Мы провели вечер у меня во дворце за разговором и табаком и вздумали для освежения сделать прогулку инкогнито, при лунном освещении. Это было в лучшую пору нашей весны, конечно, не южных климатов. Разговор наш шел ни о религии и ни о чем-либо серьезном, а напротив был веселого свойства. Куракин так и сыпал шутками насчет встречных прохожих. Лунный свет был так ярок, что при нем можно было бы читать письмо, и следовательно, тени были очень густы. При повороте в одну из улиц вдруг вижу в глубине подъезда высокую худую фигуру, завернутую в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза, шляпе. Он будто ждал кого-то. Только что я миновал его, он вышел и пошел около меня с левой стороны, не говоря ни слова. Я не мог разглядеть ни одной черты лица его. Мне казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производят страшный звук, точно как будто камень ударялся

о камень. Я был изумлен, и охватившее меня чувство стало еще сильнее, когда я почувствовал ледяной холод в моем левом боку со стороны незнакомца.

Я вздрогнул и, обратясь к Куракину, сказал:

— Судьба нам послала странного спутника.

— Какого спутника? — спросил Куракин.

— Господина, идущего у меня слева, которого, кажется, можно заметить уже по шуму, производимому им.

Куракин раскрыл глаза в изумлении и заметил, что никого нет у меня с левой стороны.

— Как? Ты не видишь этого человека между мною и домовою стеною?

— Ваше высочество идете возле самой стены и физически невозможно, чтобы кто-нибудь был между вами и стеною. — Я протянул руку и точно ощупал камень. Но все-таки незнакомец был тут и шел со мною шаг в шаг, и звуки шагов его, как удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрел на него внимательнее прежнего, под шляпой блеснули глаза столь блестящие, что таких я не видал никогда ни прежде, ни после.

— Ах, — сказал я Куракину, — я не могу передать тебе, что я чувствую, но только во мне происходит что-то особенное. — Я дрожал не от страха, но от холода. Я чувствовал, как что-то особенное проникало во все мои члены, и мне казалось, что кровь замерзла в моих жилах. Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного спутника, раздался глухой и грустный голос: «Павел!»

Я был во власти какой-то неведомой силы и машинально ответил: «Что вам нужно?»

— Павел! — сказал опять голос, на этот раз, впрочем, сочувственно, но еще с большим оттенком грусти. Я не мог сказать ни слова. Голос снова назвал меня по имени, и незнакомец остановился. Я чувствовал какую-то внутреннюю потребность сделать тоже. «Павел! Павел! Бедный князь!» Я обратился к Куракину, который тоже остановился. «Слышишь?» — спросил я его. «Ничего не слышу, — отвечал тот, — решительно ничего». Что касается меня, то этот голос и до сих пор раздается в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою, и спросил незнакомца, кто он и что ему нужно.

— Кто я?.. Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и кто хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты недолго останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести: для благодарной души нет более чувствительного наказания. — Он пошел снова, глядя на меня все тем же пронизательным взором. И если я прежде остановился, когда остановился он, так и теперь я почувствовал необходимость пойти потому только, что пошел он. Он не говорил, и я не чувствовал особенного желания обратиться к нему с речью. Я шел за ним, потому что он теперь направлял меня. Это продолжалось около часа. Где мы шли, я не знаю. Наконец мы пришли к большой площади между мостом через Неву и зданием сената. Он пошел прямо к одному, как бы заранее отмеченному месту площади, где в то время воздвигался монумент Петру Великому: я, конечно, следовал за ним, и

затем он остановился. «Прощай, Павел! — сказал он. — Ты еще увидишь меня». При этом шляпа его поднялась, как бы сама собою, и глазам моим представился орлиный взор, смуглый лоб и строгая улыбка моего прадеда Петра Великого. Когда я пришел в себя от страха, его уже не было предо мною».

К какому именно времени относится это видение, определить можно только приблизительно. Великий князь рассказал его 10-го июля 1782 года в Брюсселе, в присутствии Оберкирх, которая, записав его рассказ, свидетельствует, что Павел Петрович был искренно и глубоко убежден в реальности представившегося ему видения. Так как спутник цесаревича во время этого видения был князь Куракин, вернувшийся из заграничного своего путешествия в Петербург только в 1772 году, то видение Павла Петровича должно было иметь место в 1773—1783 годах.

(Русский архив, 1869 г., № 3.)

Блаженный Августин рассказывает следующее: в бытность его в Милане один молодой человек постоянно был преследуем своим заимодавцем. Долг, который тот требовал от него, был, собственно, долг его отца, в это время уже умершего, и уплачен был им еще при жизни, но сын не имел об этом никакого

письменного документа. Отец явился сыну и указал место, где лежала квитанция, из-за которой перенес он так много беспокойства.

(Соч. Калмета.)

Винчестерский епископ Вильберфорс получил однажды приглашение к обеду в один из домов центрального графства. Придя несколько ранее назначенного часа, когда хозяйка еще не вышла из своих комнат, он застал в гостиной неизвестного католического священника, который, сидя на диване, внимательно читал толстую книгу. Когда епископ вошел в комнату, священник поднял глаза, странно и молча поклонился ему и затем снова погрузился в чтение. Это был человек стройного и крепкого сложения, серьезного вида, но лицо его носило выражение такой усталости и беспокойства, что невольно привлекло внимание епископа, возбуждая его любопытство узнать, кто это был такой и почему он в этом доме? После того как собрались и другие приглашенные, епископ, сидя возле хозяйки, спросил ее потихоньку:

— Кстати, вы не представили этого священника, у которого такая замечательная наружность и которого я застал в гостиной, когда приехал. Кто это такой? Его не видно между гостями. — При этом вопросе странное выражение показалось

на лице хозяйки, которая быстро и тихим голосом сказала ему:

— Как, неужели и вы его видели?

— Без сомнения, — ответил епископ, — но простите, если я невольно коснулся какой-нибудь семейной тайны. Я думал, что этот священник был просто гостем, как и я, и наружность его меня так поразила, что я пожелал быть ему представленным. Но если по какой-нибудь причине вы хотите, чтобы его личность осталась неизвестной, то можете рассчитывать на мою скромность.

— Нет, нет, ваше преосвященство, — отвечала хозяйка все тем же тихим голосом, — вы заблуждаетесь, так как мне нечего скрывать, хотя мой муж и желал, чтобы это не разглашалось. Я только удивляюсь, что этот священник показался вам, тогда как до сих пор он показывается только нашему семейству. Тот, кого вы видели, не был гость, но — призрак.

— Как! Призрак?

— Да, именно, — продолжала хозяйка, — призрак, в существовании которого нельзя усомниться, ибо в продолжение двух лет, как мы здесь живем, этот призрак являлся мне и моему мужу несколько раз при таких условиях, что всякая ошибка и подозрение чего-либо другого невозможны. Мы его видели с десятков раз и, будучи не в состоянии объяснить это явление какими-либо естественными причинами, мы решились об этом молчать. Но так как и вы были очевидцем этого привидения, то не могу ли я, ваше преосвященство, просить вашей помощи.

— Я готов помочь вам всем, чем только могу, — отвечал епископ.

— Мне часто приходило на ум, что если бы у кого-либо хватило смелости с ним заговорить, то этим, может быть, можно было избавиться от его посещений. Вы можете, если хотите, под каким-нибудь предлогом вернуться в гостиную, и если он там — попросите его оставить наш дом; одним словом сделайте заклинание.

После небольшого колебания епископ согласился. Он извинился перед гостями в необходимости выйти на минуту и вышел из столовой. При входе в гостиную его охватил внезапный страх, когда он увидел того же священника, по-прежнему погруженного в чтение. Овладев собою, он решительно направился к призраку. Также, как и в первый раз, тот молча поклонился епископу, но вместо того, чтобы снова погрузиться в чтение, его глаза с беспокойством остановились на вошедшем. После минутного колебания епископ медленно и торжественным голосом произнес:

— Во имя Бога, скажите, кто вы и чего вы хотите? — В ответ на это заклинание священник закрыл свою книгу, приподнялся и, стоя перед епископом, после минутного колебания, отвечал глухим и медленным голосом:

— До сих пор меня никто не заклинал таким образом. Я вам скажу, кто я и чего желаю. Как видите: я священник католической церкви, и 80 лет тому назад этот дом принадлежал мне. У меня была страсть к охоте, и я пользовался всяким случаем, чтобы поохотиться. Однажды я готовился от-

правиться по соседству на охоту, как вдруг молодая дама, высокого происхождения, приехала с просьбою исповедать ее. Я вам не повторяю того, что я услышал, но это близко касалось чести одного из самых знаменитых домов Англии. Ее признание показалось мне столь важным, что я решился записать его. Это, без сомнения, была нескромность, и даже скажу, грех, так как подобная вещь строго воспрещается нашей церковью. Когда исповедь была кончена и кающаяся получила разрешение, я заметил, что мне оставалось очень мало времени. Уезжая из дома, я тщательно спрятал записку в секретной нише, сделанной в стене. Я поместил эти заметки в книгу, которую читал в то время, и, положив все это в нишу, заделал отверстие кирпичами, нарочно для того вынимавшимися, с намерением по возвращении домой уничтожить компрометирующую запись. К несчастью, смерть помешала мне исполнить это намерение, так как в этот день я умер, упав с лошади. С тех пор мне предопределено посещать этот дом, чтобы предупреждать последствия моей ошибки, препятствуя тому, чтобы эти фатальные заметки попали в чьи-нибудь руки. До сих пор никто не осмелился обратиться ко мне так смело, как вы, никто еще мне не помог и даже не подал надежды достигнуть моей цели. Хотите ли вы помочь мне? Если я вам скажу, где эта книга, — поклянитесь мне всем святым для вас — уничтожить эту бумагу, не читая и не позволяя никому прочесть ее. Даете ли вы мне слово сделать это?

— Клянусь, — отвечал торжественно епископ, — что буквально исполню вашу просьбу.

— В таком случае следуйте за мною.

С этими словами священник пошел вперед и спустился с епископом сначала по парадной, потом по черному ходу в подвал. «Здесь», — сказал священник, опершись рукой на стену. Епископ осмотрел внимательно указанное место и, обратившись к своему собеседнику, чтобы задать ему вопрос, увидел, что он остался один в плохо освещенном подвале. Взволнованный донельзя, он поспешно возвратился в столовую.

В заключение этой истории скажем, что в указанном призраком месте действительно была найдена пожелтевшая от времени книга с заметками священника, и епископ свято исполнил клятву, уничтожив в присутствии хозяев компрометирующие заметки. Излишне прибавлять, что с этих пор посещение призрака прекратилось.

(«Ребус», 1890 г.)

Некто С. передает следующий случай. «Вероятно, — говорит он, — многим моим знакомым кажется странным, что я, при огромной собственной семье, взял на воспитание чужого ребенка. Я объясню, почему это сделано мною. Отец мальчика, прекрасный человек, был моим другом. Ему не повезло в нескольких коммерческих предприятиях; собрав оставшиеся крохи, он отправился с ними за море ис-

кать счастья. Все это было мне хорошо известно. Каково же было мое удивление, когда неделю спустя после его отъезда я в одну ночь увидел его стоящим возле моей кровати. Торжественным голосом сообщил он мне, что судно, на котором он отправился, потонуло со всеми пассажирами, ему же дозволено было явиться ко мне, чтобы просить меня не покинуть его единственного сына, оставшегося без всяких средств и без единого друга во всем свете. Призрак друга моего исчез, и с той минуты я решил, что сын его будет моим собственным».

(«Ребус», 1889 г.)

Лорд Томас Эрскин рассказывает о следующем видении.

«Когда я был молодым человеком, мне случилось на некоторое время отлучиться из Шотландии. В день моего возвращения в Эдинбург, утром, спускаясь из книжного магазина, я встретил старого дворецкого нашего семейства. Я нашел в его наружности сильную перемену: он был бледен, худ и мрачен.

— А, старина, — сказал я, — ты зачем сюда?

— Чтобы встретить вашу милость, — отвечал он, — просить вашего заступничества перед милордом: наш управитель обчел меня при последнем расчете.

Пораженный его видом и тоном, я велел ему следовать за собою в магазин книгопродавца, куда и вошел обратно; но когда я обернулся, чтобы заговорить со стариком, его уже не было. Я вспомнил дом и квартиру, где он жил, и потому отправился к нему. Но каково же было мое удивление, когда я вошел в квартиру его и увидел жену его в трауре. «Муж мой умер, — говорила она, — уже несколько месяцев тому назад. Перед смертью он сказал мне, что наш управитель обсчитал его, но вы верно поможете сыскать следующие деньги». Я обещал это сделать, и вскоре, по моему настоянию, недоплаченная сумма была вручена вдове».

(Спорная область между двумя мирами. Р.Д. Оуэн.)

«Недавно я пользовал одного из наиболее выдающихся граждан нашего города, — рассказывает один из врачей. — Во время моего докторского визита больной рассказал мне следующий случай. Один доктор в Филадельфии после многочисленных визитов сидел в своем приемном кабинете; когда пробило половина девятого, он подумал, что пора ему закончить прием и отдохнуть, и встал со своего кресла, чтобы запереть дверь, но в эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошла девочка, худенькая и бледная, с большим платком на голове, и так об-

ратилась к доктору: «Доктор, пожалуйста, навестите мою мать — она очень больна». Д-р спросил у девочки имя ее и матери, а также их адрес, на что та ответила ему совершенно внятно, и он подошел к своему письменному столу, стоявшему в глубине комнаты, чтобы записать ее слова. Записывая, он решил идти к больной тотчас же вместе с девочкой, но когда он повернулся, чтобы сказать ей это, ее уже не было в комнате. Быстро отворив двери, он вышел на подъезд, посмотрел во все стороны — девочки нигде не было. Немало удивленный ее быстрым исчезновением, он наскоро взял свою шляпу и палку и отправился к больной. Без труда нашел он дом по данному адресу и был введен к больной. «Я врач, — сказал он, — вы посылали за мной?»

— Нет, не посылала, — ответила больная.

Доктор подумал, что ошибся адресом, и, проверяя в своей записной книжке, спросил, так ли ее имя? И получил утвердительный ответ.

— А есть у вас дочь такая-то?

На этот вопрос больная ответила не тотчас же, в глазах ее блеснули слезы.

— У меня была дочь, которую звали этим именем, но она умерла полтора часа тому назад.

— Умерла? Где умерла? — спросил доктор.

— Здесь, — ответила мать.

— Где же лежит ее тело?

— В соседней комнате.

Старшая дочь больной повела туда доктора, и он узнал в умершей ту девочку, которая приходила звать его к больной матери. «Ну, доктор, — прибавил мой пациент, — что вы об этом думаете?»

те? Мне это происшествие кажется в высшей степени чудесным!» «А мне так совершенно естественным, — возразил я. — Как вы думаете, тело ли девочки являлось к доктору?» «Конечно нет, — ответил мой пациент, — это мог быть только дух ее». С этим мнением согласился и я».

В м. Теофиполе недавно случился такой факт. Издавна здесь в одиночестве проживала почтенных лет, всеми уважаемая, чрезвычайно набожная вдова А-ова. Она особенно дружилась с подругой юных лет своих

Д-ой. Но в последнее время неразрывные друзья настолько крупно поссорились, что А-ова, внезапно заболев, приказала своим родным не пускать к себе на похороны Д-ину, если последняя к ней, мертвой, придет прощаться. Священник О-ский, призванный в одиннадцать часов ночи напутствовать заболевшую, узнал о непримиримой вражде почтенной вдовы с ее прежней приятельницей, стал уговаривать больную простить в душе Д-ину и тогда только приступить к принятию Св. Таин. Больная послушала своего духовного отца. В ту же ночь Д-ина, ничего не зная о внезапной болезни А-вой, среди крепкого сна пробуждается от ощущения чисто реального присутствия, услышав умоляющий голос А-вой о прощении. Проснувшись, она зажгла свечу, но никого не нашла в своей комнате. В скором вре-

мени она снова уснула. Но вдруг Д-ина слышит крик дочери своей, девочки лет 13—15. «Мама, иди сюда, здесь А-ова ходит. Вот она, вот пошла, смотри!» Д-ина зажгла свечу, и опять никого и ничего. Часы показывали три часа ночи. Мать и дочь совершенно осязательно ощущали присутствие А-вой. На другой день Д-ина получает известие, что А-ова умерла ровно в три часа ночи.

После погребения священник О-ский, согласно распоряжению покойной, с понятиями описал все ее имущество, лучшие вещи сложил в сундуки и отправил в церковный дом до приезда сына, оканчивавшего Академию художеств; разные же коробочки и мешочки побросали в угол, как никуда не нужный хлам. Через два дня после смерти А-вой является к священнику испуганная, взволнованная племянница покойной и говорит: «Сегодня мне явилась тетка моя А-ова и велела вам, батюшка, передать, что вы нехорошо распорядились имуществом ее: нажитое потом и кровью для сына побросали в угол». Пошли в дом, стали перебирать коробочки и нашли среди лоскутков 500 рублей денег. Через несколько дней, кажется на шестой день после смерти, А-ова является с тою же реальной осязательностью священнику О-му, как бы в благодарность, и говорит: «Не бойся болезни своей, а опасайся вот чего», — и сделала ему предостережение. Действительно, по свидетельству почтенного священника, предсказания ее сбылись.

(«Херсонские епархиальные ведомости», 1886 г.)

В деревне Студенке Дубенского уезда Волынской губернии жил зажиточный крестьянин Олейник, мужик здоровый, крепкого сложения. Было ему от роду около 50 лет. В ноябре месяце 1868 года он сильно заболел, а спустя недели две и Богу душу отдал. После него остались жена и сын Антон, парень около 20 лет от роду. Спустя шесть недель после смерти мужа раз ночью жена покойного, проснувшись и лежа на печи, слышит, что кто-то плачет. В избе кроме нее и сына никого не было. Прислушивается и узнает, что плачет покойный муж ее. Зажигает лучину и действительно видит своего мужа, который стоит около спящего сына и плачет. Как ни испугалась она, все-таки собралась с духом и говорит:

— Что ты, Семен, пришел? Ведь ты, сдается, не был чаровником?

— Нужно было прийти к тебе, я и пришел, а ты напраслину, баба, не болтай, это дело не твоего разума.

— Чего же ты плачешь, стоя над сыном?

— А того я плачу, что ты за сыном не смотришь.

— Как так?

— А так: Антон полюбил католичку и хочет с нею обвенчаться.

— Это, Семен, неправда твоя.

— Как неправда? Мне ведь все известно. Ты лучше, баба, не спорь со мною, а поговори с сыном, может быть, ты как мать и урезонишь его.

Ежели ж ты не успеешь его отговорить, то через десять дней я его возьму к себе.

Баба взвыла. Сын проснулся. Видение исчезло. Мать давай спрашивать сына — правда ли, что он полюбил девицу. Тот стал отнекиваться, а потом сознался, что полюбил Адельку, дочку эконома, родители которой ни за что не разрешили бы выйти замуж за крестьянина, и вдобавок за православного. А потому парень и дивчина порешили тайно бежать в Галицию и обвенчаться у священника униатского. Бежать порешили через 10 дней. Наконец наступил роковой день. Рано утром, когда мать еще спала, Антон тихо вышел из избы. Невеста его уже поджидала на своем огороде. Вот он уже вывел из конюшни самого лучшего жеребца, на котором редко приходилось ездить, но — увы! — лошадь лягнула его в правый бок, Антон потерял сознание, а вечером Богу душу отдал.

У аввы Спиридона, епископа Тримифунтского, была дочь девица, именем Ирина, такая же благочестивая, как и отец ее. Один из родственников отдал ей на сохранение какое-то драгоценное украшение. Девица, чтобы лучше сберечь вверенную ей вещь, зарыла ее в землю. Через несколько времени она умерла. Когда же пришел вверивший вещь и не нашел девицы в живых, стал у Спиридона требовать

свою вещь. Старец, соболезнуя родственнику в потере драгоценности, пошел на могилу дочери и там со слезами умолял дочь указать, где она спря- тала данное ей на хранение драгоценное украше- ние. Девушка тотчас же явилась к отцу, указала место, где сокрыто украшение, и опять стала не- видима.

(Мон. Митрофана —
«Как живут наши умершие».)

В марте 1846 г. одна мать с дву- мя дочерьми сидела в столовой комнате своей квартиры. Был второй час дня. Все были заня- ты шитьем и спокойно разгова- ривали о самых обыкновенных вещах. Дверь, ведущая в перед- нюю, была слегка притворена. Вдруг, в одно и то же мгновение, мать и старшая дочь увидели женскую фигуру, безмолвно выступавшую от двери. На ней было черное атласное платье, по- верх платья белый кисейный платок, скрещен- ный на груди; на голове белая шляпка. Фигура медленно подвигалась по комнате и, подойдя к одному портрету, посмотрела на него, а затем повернулась и направилась тихо к той же двери, где впервые была замечена. Дверь не отвори- лась; но фигура, как только подошла к ней, мгновенно исчезла. При ее движении не было слышно ни шума шагов, ни шороха платья и ни-

какого другого звука. Это обстоятельство и еще то, что видение скрылось при неотворенной двери, поразило мать и дочерей. По внешности же явление представлялось столь же явственным и осязательным, как бы это был настоящий вошедший в комнату человек; хотя свидетельницы припоминали потом, что фигура подвигалась вперед лишком ровно, скорее скользя, нежели шагая. Ни одного слова не было произнесено в продолжение всей описанной сцены. «Кто это приходил?» — воскликнула тотчас Р., обращаясь к старшей дочери, как только первая минута изумления прошла. «Это бабушка», — отозвались обе дочери. Мать немедленно, не говоря ни слова более, оставила комнату. Обыскан был весь дом с чердака до подвала, но ни малейших следов кого бы то ни было, кроме обычных его обитателей, не найдено. Остается раскрыть несколько подробностей, придающих еще более значения настоящему случаю. Незадолго до своей смерти Р. настойчиво советовала своему сыну купить дом в одном из кварталов города; где покупка и была сделана впоследствии. Около того же времени она заявила одной близко знакомой особе, что если сыну ее (он был единственный сын) повезет в жизни, она, только бы ей позволили, — придет с того света посмотреть на его благополучие. Случилось так, что в тот самый день и в тот же самый час, когда жена и дочери Р. видели призрак его матери, документы, делавшие Р. обладателем дома, где она явилась, были вручены ему прежним владельцем дома. Хотя он и говорил своей жене и се-

мейству о решенной им покупке, но они не знали, что сделка будет заключена в тот самый день.

*(Спорн. область между
двумя мирами. Р. Д. Оуэн.)*

В г. Владимире на Клязьме, у Золотых ворот, где теперешний почтамт, помещалась лет тридцать пять или сорок тому назад парикмахерская некоего Павла Васильевича Карова. У этого парикмахера в Москве был родной брат Сергей Васильевич Каров, тоже парикмахер. Брат этот Сергей на пятой неделе Великого поста опасно заболел и умер. Его родная сестра, жившая при нем, тотчас сообщила о его смерти брату своему Павлу во Владимир. Но так как железной дороги в то время еще не было, а распутица и бездорожье были страшные, то Павел Васильевич не счел возможным ехать на похороны к брату. Наступила Пасха. В первый день праздника, часов около десяти вечера, Каров прилег на диван и призадумался безотчетно. Вдруг отворяется снаружи дверь, и входит в комнату Каров, брат Павла, который, перекрестясь перед иконами, подойдя к Павлу, сказал: «Христос воскресе, Паша!» Тот страшно испугался, но когда Сергей подошел поцеловаться, Павел ответил ему: «Во истину воскресе», и поцеловались. Затем покойник сел рядом с братом на диван.

— Мать наша тебе кланяется, ей там хорошо, — сказал явившийся брату.

— Да ведь ты, Сережа, умер? — спросил Павел брата.

— Да, действительно, я умер.

— Как же ты пришел?

— А нас отпускают.

Кое-как ободренный Павел Каров встал, взял трубку, положил табак и, раскурив ее, предложил брату; но Сергей отказался, сказав: «У нас не курят». Не веря своим глазам, Павел начал тихонько ощупывать сюртук Сергея и оценивать, какой он доброты. Оказалось, что сюртук был драповый, известного покроя, и у Павла не оставалось более сомнения, что перед ним сидит именно его брат Сергей. Побеседовав, Сергей изъявил желание пойти домой и, выйдя от Павла из парикмахерской, направился прямо к церкви Николе Зарядному, где в колоннах паперти и скрылся совершенно. Во время беседы с Павлом Сергей сообщил ему следующее: «Когда меня похоронили, то сестра, взяв в свою пользу все мое добро, до настоящего-то не добралась; у меня в сундуке моем двойное дно, и сделано так незаметно, что не зная, его нельзя найти. Вот ты и возьми себе этот сундук; в нем положено сто пятьдесят рублей денег и расписка князя Голицына за год за бритые. Он тебе деньги выдаст». Таким образом Павлу Васильевичу оставалось только проверить сказанное братом. В воскресенье на Фоминой неделе он выехал в Москву. Явившись к сестре, похоронившей Сергея Васильевича, Павел расспросил о последних днях брата, а равно и о том, в чем брат был по-

хоронен. Сестра рассказала, что она положила брата в сюртуке таком-то, панталонах таких-то, манишке такой-то, словом она подтвердила все то, что видел сам Павел на брате. Затем, справляясь о том, по-христиански ли брат окончил жизнь, получил ответ, что он был соборован маслом, исповедан и приобщен Св. Таин накануне смерти. Относительно же имущества, оставшегося после Сергея, она показала на пустой сундук. Павел попросил у ней этот сундук себе на память. Сестра охотно согласилась отдать его. Привез Павел Каров сундук в свой номер и начал осматривать его дно. Действительно, оказалось, что очень тонкая доска сверху дна привинчивалась к настоящему дну и поднималась, а под нею оказались ассигнации на сумму ровно сто пятьдесят рублей и расписка на 90 рублей князя Голицына. С этою распискою Павел Каров явился к князю, тот, не сказав ни слова, выдал ему 90 рублей. Об этом происшествии Павел Васильевич Каров сообщил своему духовному отцу Гавриилу Ястребову. Отец Гавриил задумался над этим явлением. Спустя несколько времени, когда о. Гавриил пришел к Карову со святою водою и вновь просил рассказать об этом событии, Павел Васильевич Каров охотно повторил этот рассказ в присутствии всего причта. Спустя некоторое время Павел Васильевич Каров тяжело заболел и позвал напутствовать себя своего духовного отца. Желая вновь узнать истину события, о. Гавриил в третий раз спросил Карова, правду ли он, Каров, рассказывает о явлении ему брата Сергея? Тогда Павел Васильевич Каров, указывая на святые иконы и помня близкий смерт-

ный час, удостоверил отца Гавриила, что все сказанное о явлении ему брата Сергея есть сущая правда, и что ему не было нужды вводить о. Гавриила в заблуждение, что беседа и христосование с мертвым братом вполне реальны.

(«Современные известия», № 80, 1887 г.)

«Года за полтора до кончины Алексея Петровича Ермолова, — так рассказывает о нем С.С., — я приехал в Москву для свидания с ним. Прогостив у него несколько дней, я собирался в обратный путь к месту моего служения и, прощаясь с ним, не мог удержаться от слез при мысли, что вероятно мне уже не придется еще раз увидеть его в живых, так как в то время он был дряхл, а я не прежде как через год имел возможность вернуться в Москву. Заметив мои слезы, Алексей Петрович сказал:

— Полно, я еще не умру до твоего возвращения сюда.

— В смерти и животе Бог волен, — ответил я ему.

— Я тебе положительно говорю, что не умру через год, а позднее.

На моем лице выразилось изумление, даже страх за нормальное состояние всегда светлой головы Алексея Петровича, что не могло укрыться от него.

— Я тебе сейчас докажу, что я еще не сошел с ума и не брежу. — С этими словами он повел ме-

ня в кабинет, вынул из запертого ящика исписанный лист бумаги и поднес его к моим глазам.

— Чьей рукой писано? — спросил он меня.

— Вашей, — отвечал я.

— Читай.

Это было нечто вроде послужного списка Алексея Петровича, начиная с чина подполковника, с указанием времени, когда произошел каждый мало-мальски замечательный случай из его богатой событиями жизни. Он следил за моим чтением, и когда я подходил к концу листа, он закрыл рукой последние строчки.

— Это читать тебе не следует, — сказал он, — тут обозначен год, месяц и день моей смерти. Все, что ты прочитал здесь, написано вперед и сбылось до мельчайших подробностей. Вот как это случилось. Когда я был еще в чине подполковника, меня командировали для производства следствия в уездный город Т. Мне пришлось много работать. Квартира моя состояла из двух комнат: в первой помещались находившиеся при мне писарь и денщик, во второй я. Войти в мою комнату можно было не иначе, как через первую. Раз ночью я сидел за своим письменным столом и писал. Кончив, я закурил трубку, откинулся на спинку кресла и задумался. Поднимаю глаза — предо мной какой-то неизвестный человек, судя по одежде, мещанин. Прежде чем я успел спросить, кто он и что ему нужно, незнакомец сказал: «Возьми лист бумаги, перо и пиши». Я безусловно повиновался, чувствуя, что нахожусь под влиянием неотразимой силы. Тогда он продиктовал мне все, что должно случиться в те-

чение моей жизни, и кончил днем моей смерти. С последним словом он исчез, но как и куда — не знаю. Прошло несколько минут, прежде чем я опомнился; первой моей мыслью было, что надо мной подшутили. Я вскочил с места и бросился в первую комнату, миновать которую не мог незнакомец. Там я увидел, что писарь сидит и пишет при свете сального огарка, а денщик спит на полу, у самой входной двери, которая оказалась запертою на ключ. На вопрос мой: «Кто сейчас вышел отсюда?», удивленный писарь ответил, что никто не проходил.

«До сих пор я никому не рассказывал об этом, — заключил Алексей Петрович, — зная наперед, что они подумают — я выдумал это, а другие сочтут меня за человека, подверженного галлюцинациям, но для меня это факт, не подлежащий сомнению, видимым и осязательным доказательством которого служит вот эта бумага. Теперь, надеюсь, ты не усомнишься в том, что мы еще раз увидимся».

Действительно, через год после того мы опять увиделись. После смерти я отыскал в его бумагах таинственную рукопись и увидел из нее, что Алексей Петрович Ермолов скончался в тот самый день и даже час, как ему было предсказано лет за пятьдесят».

(«Русская старина», 1875 г., май.)

«Иван Афанасьевич Пращев, молодой офицер, участвовал в усмирении польского мятежа в 1831 году, — рассказывается в одном из распространенных журналов. — Денщиком у него был в эту пору Наум Середа. В

одной из перестрелок смертельно ранили Середу, и, умирая, он просил Пращева переслать матери его находящиеся при нем три золотых.

— Непременно исполню твое поручение, — ответил Пращев, — и не только эти три золотых, но и от себя еще прибавлю за верную твою службу.

— Чем же я вас, ваше благородие, отблагодарю? — со стоном проговорил умирающий.

— А вот, если умрешь, приходи ко мне с того света в тот день, когда я должен умереть.

— Слушаюсь, ваше благородие, — отвечал Середа и вскоре умер.

Однажды, пользуясь превосходной погодой (это было через 30 лет после смерти Середы), Пращев, его жена, дочь и ее жених были в саду ночью. Собака, постоянно бывшая при Пращеве, вдруг бросилась вдоль по аллее, как обыкновенно бывает, когда собака завидит чужого. За ней последовал Пращев, и что ж? Он видит — подходит к нему Середа.

— Ты что, Середа, скажешь? Разве сегодня день моей смерти? — спросил Пращев.

— Так точно, ваше благородие, я пришел исполнить ваше приказание, день вашей смерти наступил, — ответил неземной вестник и скрылся.

Пращев немедленно приготовился к смерти по христианскому обряду, исповедался и при-

частился Св. Таин, сделал все нужные распоряжения. Но смерти не было. Около 11 часов вечера 17 мая Пращев был со всеми домашними в саду; вдруг раздался женский крик, и у ног Пращева, как у своего помещика, просила помощи жена повара: за нею гнался муж ее. Повар был пьян и в таком виде он всегда считал жену свою изменницей и бил ее. Он подскочил к Пращеву и большим поварским ножом нанес ему в живот смертельную рану, от которой тот тотчас же умер».

(«Нива», 1880 г., № 15—17.)

«17 сентября явился я к митрополиту Филарету (он был в это время в лавре), — рассказывает наместник, архимандрит Антоний, — с обычным докладом о состоянии обители. После моего доклада преосвященный говорит: «Я ныне видел сон, и мне сказано: берегись 19 числа». На это я заметил ему: «Владыка святой, разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Как же можно при том обращать внимание на такое неопределенное указание? Девятнадцатых чисел в году бывает двенадцать». Выслушав это, он с чувством сердечной уверенности сказал мне: «Не сон я видел: мне явился родитель мой и сказал мне те слова, я думаю с этого времени каждое девятнад-

цатое число причащаться Св. Таин». Я сказал, что это желание доброе.

Через два дня после сего, 19 сентября, во вторник, на литургии в домово́й церкви он причастился Св. Таин. В октябре он был в Москве и 19 числа, в четверг, там причастился Св. Таин в своей домово́й церкви. Наступило в следующем месяце ноябре роковое 19 число, это приходилось в воскресенье. Перед тем все время владыка чувствовал себя хорошо и легко, принимал посетителей, ревностно занимался делами, выезжал иногда из дому. На неделе перед 19 числом принимал одного из своих почитателей, который при прощании передал ему просьбу одной почтенной дамы, так уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословение. Владыка сказал: «Пусть приедет, только прежде 19 числа». Так глубоко засела в нем мысль о девятнадцатом числе.

18 ноября, в субботу, владыка говорит своему келейному иеродиакону Парфению, что завтра он будет служить литургию в своей домово́й церкви, и чтоб все было приготовлено к служению. Старик Парфений, отличавшийся прямою и откровенностью, решился заметить митрополиту-старцу, что он утомился от служения и не будет, пожалуй, служить в Введенъев день, что лучше бы тогда отслужить. Но владыка заметил ему: «Это не твое дело, — скажи, что я завтра служу». Он отслужил литургию и в тот же день, 19 числа, скончался».

(«Простая речь о мудреных вещах» — М. Погодина.)

Митрополит Платон передает следующий случай из своей жизни. «Когда я епископствовал на Дону, явился мне Император Николай Павлович, это было в конце сорокоуста по скончавшемся Государе. Сижу я у себя, время было около полуночи, под воскресенье, сижу и читаю очередную проповедь одного священника, в которую и было погружено все мое внимание. Стало быть, воображение бездействовало и ни к чему меня не приготавливало. По правую сторону от моего стола находилась дверь в приемную, и она по обыкновению настежь была отворена. Сижу я, с углублением читаю проповедь, кое-что мараю в ней, и вдруг чувствую, что меня что-то ударило в правый бок, ударило слегка, как будто детским резиновым мячиком, брошенным из растворенной двери. Я не мог не взглянуть в эту сторону, взглянул, и что же представилось глазам моим? В дверях стоит во всем своем царском величии, немного склонясь в сторону, Государь Император Николай Павлович, устремляя на меня свой орлиный взор. И это не было какое-нибудь туманное, призрачное явление, нет, я вижу незабвенного моего Царя, как живого, и в нем все, до мельчайших подробностей, явилось мне в осязаемых очертаниях. Мог ли я не прийти в трепетное смущение? Смотрю на явившегося возлюбленного моего Царя, и он пронизательно, величественно и вместе с тем добродушно смотрит на меня. И это было не на мгновенье. Невольно возник в душе моей во-

прос: встать ли мне и поклониться? Но как кланяться привидению? А с другой стороны, как не поклониться Царю? Привстаю, и в эти секунды ясный, дивный образ великого из Царей земных стал мало-помалу переходить в туманный признак, стал исчезать, не двигаясь с места, и исчез предо мною; но я не заплакал, и вот с той поры реже стали падать из глаз моих слезы, при воспоминании о незабвенном Царе Русского царства.

Не знаю, — добавил митрополит, обратившись к слушавшим рассказ, — поверите ли вы этому? Но не забывайте, я старик и хотя и недостойный, но служитель алтаря Господня, и мне нет никакой надобности говорить ложь или вымысел».

(«Новое время», 1893 г., апрель.)

Но вот факт из записок одного сановника, помещенных в одном из самых распространенных светских журналов, наиболее положительного научного оттенка, передает Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский: «Автобиограф рассказывает, не помню об отце или деде, который был назначен на службу, но дорогою к месту назначения своего заболел и умер. Скорбь беспомощной семьи была так глубока, что жена, пораженная горем, слегла в постель, а дамы города взяли на себя труд быть сиделками при ней день и ночь. В одну ночь слы-

шит, что передняя дверь с крыльца отворяется. Входит умерший в костюме, в котором был во время болезни: проходит мимо служанки, которая не спит и смотрит на него. Отворяет дверь в следующую комнату и идет мимо дамы, лежавшей на полу; та приподнялась и всматривается в него. Умерший с глубоко-тоскливым видом садится на стул у постели не спавшей жены. Та приподнимается и протягивает к нему руки со словами: «Что ты, мой друг?» Умерший говорит несколько ужасных слов и выходит так же, как вошел через закрытые двери, которые были замкнуты на ночь. Поднялись посмотреть, и оказалось, что все двери были отперты».

(«Странник», 1887 г., сентябрь.)

«Родители наши большей частью жили в своих деревнях, — рассказывает графиня Е. Г. Чова, — и так любили друг друга, что пережили один другого очень ненадолго. Вскоре по их кончине наступил храмовой праздник в нашем имении. Я и все мои сестры были уже замужем, но к этому дню мы собрались всею семьей в это имение, чтобы помолиться вместе о наших дорогих покойниках. Это было летом. У всех нас были хорошие голоса, и мы обыкновенно пели на клиросе. Накануне праздника после обеда все мы сидели в большом зале, из которого стеклянная дверь выходила на террасу, а с террасы был вход в

сад. Сестры спевались, готовясь петь на другой день за обедней в память родителей любимый их концерт. Я же была не совсем здорова и в спевке не участвовала, а сидела в конце залы против самой стеклянной двери, разговаривая с двоюродным братом. Пели в этот день сестры необыкновенно хорошо; слушая их, я думала: вот, если бы живы были наши родители, как они были бы довольны, слушая этот концерт. Смотря на брата, что-то мне говорившего, я вдруг безотчетно взглянула на дверь, выходящую на террасу, и о, ужас! В дверях стоит моя мать в простом белом капоте и белом чепчике с оборочкой, как была похоронена, и пристально смотрит на меня. Не веря своим глазам и думая, что это воображение мне рисует ее образ, я стала смотреть вниз; через минуту поднимаю глаза, она тут и тихо приближается ко мне. Я встала и пошла к ней навстречу. Как только я двинулась, она стала отступать к двери, лицом ко мне, не оборачиваясь. Я приближалась к ней, а она все отступала, продолжая пристально смотреть на меня. Так она спустилась с террасы в сад, и я за нею. В аллее она остановилась. Я также остановилась и хотела взять ее за руку, говоря: «Я за тобой». Но она отчетливо сказала: «Не прикасайся ко мне, тебе еще не время». Потом она произнесла еще несколько слов, повторить которых я не могу; затем улыбнулась, лицо ее точно просветлело каким-то блаженством, и она тихо стала отделяться от земли, подниматься вверх, становясь все воздушнее, и исчезла в пространстве».

(«Современные известия», 1874 г., № 19.)

«В двадцати верстах от нашего имения, — рассказывает О.О. Д-цкий, — жил в селе Вишневеце Волынской губернии священник, который был в большой дружбе с моим отцом. Этот священник, овдовев, остался с шестнадцатилетней дочерью. По его просьбе, отец мой отпустил на короткое время свою дочь Степаниду, чтобы отвлечь осиротевшую девушку от тяжелых впечатлений по случаю смерти ее матери. Прошло около двух недель, Степанида не возвращалась, а потому отец со мной (мне тогда было около десяти лет) отправился в Вишневец с целью проведать своего друга, вдовца о. Г., и взять сестру домой. Было это в июне 1860 года.

Мы приехали в Вишневец вечером, около десяти часов, священника не застали дома, а были только девушки, моя сестра и дочь священника. Мне захотелось побегать в саду, однако в глубь сада я боялся идти и присел на лавочке, недалеко от дома. Смотрю — идет по аллее какая-то дама в черном платье. Поравнявшись со мной, она посмотрела на меня с улыбкой и направилась в дом священника через крыльцо, которое прямо выходило в сад. Это было около одиннадцати часов вечера. Спустя несколько минут я побежал к тому крыльцу, где сидел мой отец и девушки. «Какая-то дама вошла в дом через садовое крыльцо», — сказал я. Сестра и подруга ее при этих словах переглянулись и как-будто встревожились, так что отец спросил их, что с ними и чего они беспокоятся? Они ответили, что, по

моему описанию и по одежде, эта дама — покойная матушка, которая ходила ежедневно в дом, и все ее видят. Так как отец мой не верит в подобного рода явления, то он посмеялся над девушками.

Священник долго не возвращался домой, мы порешили пить чай без него. Все сели в гостиной, а сестра Степанида занялась приготовлением чая в соседней комнате, так что мы ее видели из гостиной. Вдруг сестра вскрикнула и уронила чайник с кипятком. На вопрос отца, что с нею, она отвечала, что матушка проходила мимо нее.

Не дождавшись хозяина дома, мы легли спать; я лег с отцом в одной комнате, рядом с кабинетом священника, а девушки в другой. Около двух часов ночи я проснулся, сам не зная отчего, и слышу в кабинете разговор. Мужской голос говорил:

— Что ты сегодня так поздно пришла?

— Я была раньше здесь, — слышится женский голос, — видела гостей наших, хотела обнять мальчугана в саду, но тот убежал от меня, потом хотела поблагодарить Степаниду за дружбу с нашей дочерью, но она так испугалась, когда я прошла около нее, что уронила чайник и наделала шуму на весь дом, так что я скрылась.

— Почему же ты не подготовила ее?

— Нам строго запрещено являться тем, кто пугается нас, под угрозой лишения права на дальнейшие свидания с живыми.

Услыхав это, я страшно испугался, потому что догадался, что разговор идет между покойницей и священником, мужем ее, и прямо прыгнул на кровать к отцу, который видимо еще не спал,

предупредив, чтобы я не мешал ему слушать разговор загробного существа с живым.

На другой день за утренним чаем отец мой направи́л разговор на ночное посещение и высказал насчет его сомнение, подозревая совсем что-то другое.

— Угодно верить или нет, — ответил о. Г., — но я, как честный человек и служитель святого алтаря, сказываю вам, что нахожусь в духовном общении со многими умершими и в том числе с моей женой. Они часто обращаются ко мне с просьбами молиться за них, и когда я исполняю их просьбы, то лично благодарят меня. Жена же моя покойная почти каждый день посещает мой дом и часто выражает интерес ко всему окружающему, как живой человек. На все мои вопросы об условиях загробной жизни она каждый раз уклоняется от прямых ответов, заявляя, что им, умершим, воспрещено отвечать на все вопросы живых, особенно праздные из них».

Граф и графиня П. владеют значительным имением в Псковской губернии, которое было завещано дядей графа после своей смерти. Несколько лет тому назад, когда они в первый раз приехали в свое новое имение, их предупредили, что дом этот со времени смерти графа посещается чуть не каждый день призраком. Эти рассказы нисколько не смутили

графа и графиню, и, будучи полнейшими скептиками относительно явлений, они спокойно поселились в «непокойном» доме. Спальня их имела две двери: одна вела в длинный коридор, а другая в целый ряд нежилых комнат, выходящих в конце опять в тот же коридор. Вскоре после того, как первая из этих дверей была заперта на ключ и свеча потушена, графиня услышала какой-то шорох возле этой двери. Когда она прислушалась, ей сделалось ясно, что кто-то пытается отворить дверь. Графиня обратила на это обстоятельство внимание мужа, и когда была зажжена свеча, то оба они ясно увидели, что дверная ручка шевелилась, как бы нажимаемая кем-нибудь с противоположной стороны. Граф со свечою в руках направляется во вторую дверь; войдя в коридор, он увидел, что какая-то человеческая фигура стоит у двери. Подойдя ближе, он узнал своего покойного дядю. Одет он был так, как одевался и при жизни, и граф, забывая, что его уже нет в живых, невольно воскликнул: «Дядя, каким образом вы здесь?!» Призрак взглянул на него печально и исчез; тогда только граф опомнился, что дяди нет уже в живых.

(«Ребус», 1886 г., № 15.)

«Во время поучения, когда мое внимание было занято доводами проповедника, — рассказывает врач Н., — я друг увидел, что в церковь вошли три женщины,

которые медленно направились к кафедре. Следя за ними, я узнал в одной из них мою жену, в другой мать, обе тогда умершие. Третья фигура, державшаяся в середине между обеими и обнимавшая мать одной рукой, была прелестная маленькая девочка. Поза и жест обличали в ней, как будто, мою дочь. Подойдя к правому клиросу, эта группа фигур остановилась. Две из них — жена и девочка — стали видимо бледнеть и мало-помалу исчезли. Мать, еще оставаясь, обратила лицо ко мне и смотрела на меня несколько минут с любовью, потом и она исчезла, подобно первым».

(«Спорная область между двумя мирами» — Р.Д. Оуэн.)

Когда умерла шведская королева Ульрика в своем замке и положена была в гроб, то в передней комнате отряд королевской лейб-гвардии держал печальный караул. В полдень явилась в приемную любимая королевой графиня Стенбок из столицы Стокгольма, и начальник стражи проводил ее к телу королевы. Так как она долго не возвращалась, капитан гвардии отворил дверь и от ужаса остолбенел. Тогда поспешили к нему присутствовавшие офицеры и ясно увидели через открытую дверь королеву, сидевшую в своем гробу и обнимавшую графиню Стенбок. Видение казалось как бы плавающим в воздухе, но скоро превратилось в густой

туман; когда туман рассеялся, тело королевы лежало в гробу по-прежнему, а графини Стенбок нигде не оказалось в замке. Тотчас же послали курьера с известием об этом в Стокгольм, и был привезен ответ, что графиня Стенбок не оставила столицы, но умерла в то время, когда ее видели в объятиях королевы. Тогда был составлен об этом событии протокол и подписан всеми видевшими это явление.

(Исторический и статистический журнал, 1815 г.)

**Видимые следы,
оставляемые умершими
при их явлении**

«Лет около пятнадцати назад, — рассказывает Сенковский, — я служил чиновником военного ведомства и заведовал складом военных припасов в окрестностях Петербурга, как вдруг над мной неожиданно стряслась беда. Из моего склада, неизвестно каким образом, пропали вещи на довольно значительную сумму. Самые тщательные розыски, произведенные по горячим следам, не могли открыть похитителя. Положение мое легко себе представить: получаемого мной содержания, даже в сложности за несколько лет, не хватило бы на покрытие пропажи, а тут еще предстояло следствие и всевозможные неприятности по службе. Положение мое было

самое ужасное. Года за три перед тем я овдовел, оставшись с двумя детьми 6 и 4 лет, и уже с год как был женат на другой жене. Как мы ни судили с женой, что нам делать, ничего придумать не могли. Одна из наших знакомых, набожная старушка, посоветовала жене отправиться в Петербург и отслужить молебен в часовне, что при Вознесенской церкви, в которой, по ее словам, находилась икона святого, молитва которому помогает отыскивать пропавшие вещи. Утопающий, как говорится, и за соломинку хватается, а при том жена и я всегда были люди религиозные, так что понятно, что совет этот как нельзя более пришелся нам по душе. Согласно этому совету, я отправил на другой же день жену в Петербург, заказав ей отслужить молебен и поставить свечи, как советовала наша знакомая, сам же с детьми и тещей, матерью второй моей жены, остался дома. Дело было летом, ночи были довольно светлые, и я долго ходил у себя в гостиной, раздумывая о своем горе. Наконец утомившись, отправился в спальню, в которой ставни были закрыты и было совсем темно; тут же спали дети. Через комнату спала моя теща. Притворив слегка дверь в гостиную, взглянув на детей и посидев еще немного в раздумье на кровати, я приготовился уже раздеваться, как вдруг сквозь неплотно прикрытую дверь увидел в гостиной какой-то свет. Полагая, что я забыл потушить свечу, приподнялся было с кровати, но в тот момент неслышно отворилась дверь, и на пороге появилась с горящей восковой свечой моя покойная жена. Странное дело: я не только не испугался ее появления, но даже как

будто и не удивился тому, точно какое-то затмение на меня нашло, и как будто это был совершенно естественный факт. Я хорошо помню, что я очень мало был взволнован и удивлен появлением покойной. «Здравствуй», — сказала она и подошла ко мне, держа восковую свечу в руке. Не помню теперь, что я отвечал на это приветствие, но помню только, что почти тотчас вслед затем сказал: «Ты знаешь, какое у меня горе?» «Знаю, знаю, — отвечала она, — но не беспокойся очень, я помогу тебе». Я стал умолять открыть мне похитителя, но она отказалась это сделать, говоря только, что поможет мне перенести мое горе. «Ты не сердисься, — говорю я, — что я так скоро женился?» «О, нет, даже напротив, это ты хорошо сделал». Далее благодарила меня, что я не забываю ее в молитвах. «Вы, живущие, — сказала она, — не можете понять, что мы чувствуем, когда вы за нас молитесь». Я забыл сказать, что во время этого разговора она восковую свечу, которую держала в руках, прилепила к лежанке, накапав воском. Разговор перешел затем на детей. «Что же ты не взглянешь на детей?» — сказал я ей. «Я их и без того посещаю», — отвечала она, впрочем, взяла свечу и подошла к спящим детям. В это время раздался голос тещи из соседней комнаты. «С кем ты разговариваешь, Николай?» — и с этими словами я услышал, что теща поднялась с кровати и стала надевать туфли. «Прощай, — сказала мне жена, — никто не должен видеть меня с тобой». Я стал удерживать и повернулся к двери, чтобы припереть ее, так как шаги тещи уже приближались, когда обернулся снова назад, то ни жены,

ни света уже не было, и в комнате царила полутьма летней ночи.

Вошедшая теща была удивлена, что перед этим она слышала разговор двух голосов, а войдя, никого не застала кроме меня. Что это такое было, я не могу и до сих пор объяснить себе. Конечно, скажут — простое видение, но вот что странно: осмотрев вслед за тем лежанку, на которой была прилеплена восковая свеча, я заметил *очень явные следы на капанного воска*, которых, по моим соображениям, раньше не было. Другое обстоятельство, заставляющее меня думать, что тут было нечто другое, чем обыкновенное видение или галлюцинация, касается произнесенных женою слов, относящихся к детям: «Я их и без того часто посещаю». Недели за три до этого таинственного случая ходившая за детьми нянька доложила мне, что она уже два раза, входя в комнату спящих детей, была перепугана присутствием какой-то женщины, наклонявшейся над постелью детей и с ее появлением сейчас же исчезающей. Когда я теперь попросил няньку описать наружность являвшейся женщины (она совсем не знала покойницу, так как незадолго перед этим поступила к нам), то описание ее во всем сходилось с наружностью первой моей жены».

(«Ресбус», 1887 г., № 20.)

В 1821 году, вскоре после смерти Наполеона I на острове св. Елены, поставленный вместо него на престол Франции из прежней династии Бурбонов Людовик XVIII в одну ночь лежал в своей спальном комнате, но долго не мог заснуть и думал о Наполеоне. Свечи тускло горели, на столе лежала корона французского государства и брачный контракт маршала Мармона. Этот контракт предложен был для подписи Наполеону, но военные события помешали утверждению его, и вот он опять лежит перед Людовиком. Часы на храме Богородицы пробил полночь. Едва затих последний удар, отворилась дверь спальни, которую запер сам Людовик. Вошел Наполеон, подошел к столу, надел на себя корону, взял брачный контракт и потом перо, — в это время чувства оставили Людовика. Когда он пришел в себя, было уже светлое утро. Первым делом его было осмотреть дверь, она найдена запертой на замок и еще задвижкой изнутри, затем король подошел к столу и нашел контракт, подписанный именем «Наполеон». Дальнейшее исследование показало, что некоторые слуги, долго ожидавшие своих товарищей, в полночь видели бледный призрак, спешивший в спальную комнату короля. Почерк подписи императора на контракте был признан за истинный, и этот замечательный контракт находился еще в 1847 году в королевском архиве в Париже.

(Шадьберг — «О бессмертии», стр. 42.)

Известный польский драматург Доминик Магнушевский рассказывает, что однажды днем, когда он лежал в постели и задремал, его разбудил шум в соседней с его спальней комнате, которую подметали, и он увидел свою мать, умершую уже несколько лет назад. Она стояла около столика и, казалось, читала молитвенник. Когда он в испуге вскрикнул, то она загнула страницу, которую читала, закрыла книгу и мгновенно исчезла. Магнушевский тотчас подбежал к столику и, открыв книжку на загнутом листке, нашел на том месте молитву об умерших.

(«Ребус», 1890 г., № 9.)

В летописях Англии записано, как умершая 4 января 1726 года королева Английская София, по происхождению брауншвейгская, являлась по смерти дважды супругу своему Георгу I и просила его разорвать незаконную связь с Горацией, начатую еще при жизни королевы. Явившись во второй раз, она взяла кружевной воротник короля, лежавшего в постели, завязала в нем узел и бросила на грудь короля, сказав, что «из смертных его никто не развяжет». Горация на другой день, не сумев развязать узла, в досаде бросила воротник в огонь. Король вытащил его из камина, но он упал на

платье Горации, которое быстро воспламенилось, и она умерла от ожогов. Георг раскаялся; подолгу молился, основал госпиталь, много делал добра именем королевы и умер спустя два месяца после последнего ее явления.

(Шадьберг — «О бессмертии», стр. 42.)

«В 1864 году, летом, прибыл к нам в село молодой человек, лет 25-ти, — рассказывает один приходской священник, — и поселился в чистеньком домишке. Этот господин сначала никуда не выходил, а недели через две я увидел его в церкви. Не смотря на молодые лета, лицо его было помято, морщины кое-где легли целыми складками и невольно говорили, что не без бурь и потрясений прошло его юношество. Он стал часто посещать нашу церковь, и не только в праздники, но и в будни можно было его видеть молящимся где-нибудь в углу, при слабом мерцании лампадки. Он всегда приходил рано, уходил позднее всех и каждый раз с каким-то особенным благоговением целовал крест.

Вот что передает о себе этот молодой человек: «Отец мой был мелкопоместный помещик в Я-ской губернии Д... уезда; принадлежала ему одна деревенька. Тихо, плавно текла моя жизнь, и я был примерный ребенок. Но вот мне исполнилось десять лет, и я поступил в одно из средне-учебных заведений. Тяжело мне было привы-

кать к новой жизни: в заведении я уже не слышал более того теплого, истинно религиозного наставления, какое мне давали дома на каждом шагу. Сначала я был религиозен и часто молился, но эта молитва была нередко причиной насмешек моих товарищей. Все воспитанники этого заведения без надзора родителей были страшными кощунами, и их язвительные насмешки сыпались градом на мою голову за мою религиозность. Поддержки у меня не было, и моя охота к молитве слабела с каждым днем, сначала потому, что я стыдился товарищей, а потом опущение молитвы обратилось уже мне в привычку; я пристал к моим товарищам, и молитва уже более никогда не приходила мне на ум. Беседы и разговоры наши были самые грязные, богопротивные. Насмешки над Священным Писанием, над богослужением, над усердием и религиозностью некоторых священников и простого народа — вот что было постоянным предметом наших разговоров. Сначала меня коробило от всего этого; потом время и общество притупили во мне и это последнее проявление доброго, остаток домашнего воспитания. Но все-таки, как я ни опошился в этой среде, во мне было сознание того, что я грешу перед Богом; а между тем я продолжал делать то же, что и товарищи. Время шло; я перешел в последний класс, и тут-то окончательно совершилось мое падение, и прежние насмешки над священными обрядами и религиозностью людей перешли в полное осмеяние всей Божественной религии. Я сделался отъявленным материалистом. Бытие Бога, бессмертие души, будущая за-

гробная жизнь — все это я считал порождением фантазии и зло смеялся над всем. Крест — это орудие нашего спасения, я сбросил с себя и с каким-то презрением посмотрел на него... Когда я стоял в церкви по приказанию начальства, как я издевался, как смеялся над отправлением Божественной службы! Когда наступали постные дни, я нарочно старался поесть скромного, чтобы показать полное презрение к церковным постановлениям. Святые иконы, жития святых были главными предметами моих насмешек. Всегда перед принятием Св. Таин я старался хоть чего-нибудь поесть и потом уже шел к причастию. Одним словом, в эту пору я был каким-то извергом, а не человеком.

Но вот наступило время выхода моего из заведения, и тут-то я ринулся со всей силой в бездну погибели и много, много я увлек за собой чистых, невинных душ!..

В один год померли от холеры мои добрые родители, и их-то теплая молитва перед престолом Всевышнего, должно быть, повела к исправлению их сына. По получении известия о их смерти я отправился в село к ним на могилу. Странно: как я ни опошлел, как ни смеялся над всеми святыми чувствами человека, все-таки привязанность к родителям осталась, и холодный развратный ум уступил голосу сердца — желанию побывать на могиле, и не осмелял его. Это я приписываю особенному действию Промысла Божия, потому что эта поездка на родину была началом моего исправления. Приехав в родное село, я спросил церковного сторожа, где могила таких-то, и,

не думая перекреститься на церковь, отправился к указанному месту...

Вот уже могила от меня шагах в десяти, вот уж я вижу и свежую насыпь, но... вдруг потемнело у меня в глазах, дыхание захватило, голова закружилась, и я упал без памяти на землю. Не знаю, что со мной тут было, только я пришел в сознание уже в квартире, нанятой моим слугой у одного крестьянина. Из рассказов его я узнал, что все окружавшие меня думали, что со мной удар, потому что я был без памяти, с багровым лицом и пеной у рта. На другой день я встал однако совершенно здоровый и, как ни ломал голову, не мог объяснить себе, отчего со мной сделался такой припадок. Потом я опять в те же часы дня отправился на могилу: но каково мое было удивление, когда и в этот раз случилось со мной то же, что вчера. Думая, что меня постигла падучая болезнь, периодически возвращающаяся в известные часы дня, я на третий день остался дома, и припадка не было. Но когда я пошел на четвертый день и стал только приближаться к могиле, прежний припадок снова повторился. Встав утром на другой день, я встретил своего слугу каким-то испуганным, боящимся меня. После я узнал, что он тут же порешил, что в этих припадках что-нибудь недоброе, и что я, должно быть, слишком грешен, коли Господь не допускает меня до могилы родителей. Счастливее меня он был тогда: у него была вера в Промысел, вера в Бога, а я был жалкий человек и не хотел признавать во всем перста Божия. Впрочем, меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послал на ближай-

шую станцию за доктором. Доктор обещался прибыть на другой день и, в ожидании его, я уснул часов в 12 ночи. Утром я проснулся рано, и Боже мой! Страшно вспомнить: я не мог пошевелиться, язык не повиновался; я лежал весь расслабленный, тело мое было все в огне, губы высохли, я чувствовал страшную жажду и окончательно упал духом.

Явился доктор, осмотрел меня и дал лекарство. Началось лечение... Сначала доктор прописывал мне лекарства без затруднения, но потом долго, долго просиживал около меня, кусая губы, и однажды после шестинедельного лечения написал мне на бумаге: «Имея дело с мужчиной, я всегда открыто говорю о его болезни, как бы она ни была опасна; ваша болезнь необъяснима, не смотря на мои усилия понять ее; поэтому, не предвидя успеха от трудов моих, я оставляю вас ждать, когда она сама собой откроется». Каков же был мой ужас, когда меня оставляла человеческая помощь, на которую я только и надеялся! У другого есть надежда на высшую помощь, но ее отверг мой развращенный ум. С каждым днем болезнь моя усиливалась и осложнялась: на теле появились прыщи, которые перешли в гнойные раны, от них несся смрадный запах; я не знал, что и делать. Целые ночи я не спал и не находил себе покоя.

Но вот однажды, только что я стал засыпать, вдруг чувствую в своей руке чужую руку. Я вздрогнул, раскрыл глаза, и — Боже мой! Передо мной стояла моя мать. Я не мог вообразить, каким образом она очутилась передо мной... Да ведь она умерла, подумал я, как же она явилась

мне? А между тем сердце билось во мне. Мать моя была вся в белом, и только в одном месте виднелось черное пятно; лицо ее было сумрачно, и она была вся в каком-то полумраке. «Я твоя мать, — начала она, — твои беззакония и твоя распутная жизнь, полная неверия и безбожия, дошли до Господа, и Он хотел истребить тебя, стереть с лица земли. Ты не только погубил себя, но даже запятнал и нас, и это черное пятно на моей душе — твои тяжкие грехи. Господь, говорю, хотел поразить тебя, но отец твой и я молились перед престолом Всевышнего о тебе, и Он захотел обратить тебя к Себе не милостью, потому что ты этого не мог понять, а строгостью. Он знал, что одна могила наша для тебя дорога здесь, и потому не допустил тебя к ней, поражая сверхъестественной болезнью, дабы ты признал над собой высшую силу, тобой отвергнутую, но ты не обратился. Потом Господь послал меня к тебе — это последнее средство для твоего исправления. Ты не признавал Бога, будущей жизни, бессмертия души, — вот же тебе доказательство загробной жизни; я умерла, но явилась и говорю с тобою. Уверуй же в отрицаемого тобою Бога. Вспомни твою мать, которая, жизни не жалея, старалась сделать из тебя истинного христианина!» С этими словами лицо ее более помрачилось, раздалось в комнате рыдания ее, и потрясли всю мою душу... «Еще раз заклинаю тебя, — продолжала мать, — обратись к Богу. Ты не веришь и, может быть, думаешь объяснить мое явление тебе расстройством твоего воображения, но знай, что твои объяснения ложны, и я своим духовным су-

ществом теперь предстою пред тобою. И в доказательство этого, вот тебе крест, отвергнутый тобой, — прими его, иначе погибнешь. Уверуй, и твоя болезнь исцелится чудесным образом. Погибель и вечный ад тебе, если ты отвергнешь меня!» — так сказала мать и скрылась. Я опомнился и увидел в руке своей маленький крестик.

Все это до самой сокровенной глубины потрясло мою душу; совесть поднялась со всей силой, прежние убеждения рушились, и я в минуту, кажется, весь переродился. Какое-то сладостное, непонятное чувство у меня явилось в груди, и я хотел уже поблагодарить Бога за Его милость, но в эту минуту вошел мой слуга с чайной чашкой, наполненной водою. «Испей-ка, батюшка, может, и полегче будет, — это святая водица с животворящего креста», — проговорил он. Я с радостью принял его предложение и, приподнятый им, выпил воды. Господи! Не могу без волнения вспомнить этой чудной минуты. Я тут же почувствовал себя здоровым: члены стали повиноваться, язык стал свободно говорить, на месте струпов остались одни только пятна... Я встал, и первым моим делом было помолиться перед образом, который принес слуга. После этого я пошел в церковь и там молился, и сколько было искренности в этой непритворной молитве! Тут же я отправился на дорогую могилу, целовал ее и плакал, и эти горячие слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаянием блудного сына».

(«Нижегородские епархиальные ведомости», 1865 г., № 24.)

Недавно в Париже произошел следующий случай. Однажды утром к священнику явилась дама и просила его отправиться вместе с ней в приготовленной карете для напутствования Св. Тайнами умирающего ее сына.

Взяв запасные дары и все нужное для приобщения, священник, в сопровождении дамы, скоро прибыл в указанный дом. Но когда он поднимался в квартиру, дама незаметно скрылась. На звонок священника вышел молодой человек, офицер — цветущего здоровья.

— Что вам угодно, батюшка? — спросил он вошедшего пастыря.

— Меня пригласила сюда какая-то дама, к умирающему ее сыну, чтобы исповедать и приобщить его, — ответил священник.

— Тут явное недоразумение, — возразил офицер, — я один живу в этой квартире и не посылал за вами, я вполне здоров.

Собеседники между тем вошли в гостиную. Висевший над диваном большой портрет пожилой женщины невольно обратил внимание священника, и он сказал:

— Да вот эта самая дама была у меня, она и указала мне на вашу квартиру.

— Помилуйте, — ответил хозяин, — это портрет моей матери, умершей 20 лет тому назад.

Пораженный таким обстоятельством, офицер выразил желание исповедаться и приобщиться, и на другой день скончался от разрыва сердца.

Две роты 74-го горного полка из отряда полковника Гюга стояли в Шоракуре. Однажды в полуденное время капитан В., старший из офицеров, сидел в своей палатке, подготавливая почту, отходившую в этот вечер в Англию.

Одна из сторон палатки была раздвинута для света и воздуха, и вот молодой солдат из его роты, в больничной одежде и без фуражки, внезапно появился перед капитаном и, не отдав ему чести, сказал: «Покорнейше прошу вас, капитан, сделать распоряжение, чтобы недополученное мной жалованье было отослано моей матери, живущей в Р., будьте так добры, запишите ее адрес». Капитан В. машинально записал адрес и прибавил: «Хорошо, будет сделано». Затем опять, не отдавая чести, солдат удалился. Тут только капитан вспомнил, что одежда солдата и все его поведение было странно, несогласно с дисциплиной, и приказал ординарцу тотчас же позвать к себе сержанта. «Как это дозволили такому-то явиться ко мне в таком непозволительном виде?» — сказал капитан, когда сержант вошел в палатку. Слова эти поразили сержанта, как громом. «Разве вы забыли, капитан, — воскликнул он, — что такой-то умер вчера в госпитале, и сегодня утром его похоронили? Точно ли вы уверены, что видели именно его?» «Совершенно уверен, — ответил капитан, — и вот тому доказательство — записанный мной с его слов адрес его матери, по которому он просил меня передать недополученное им жалованье».

— Очень это странно, — продолжал сержант, — имущество его продано сегодня с аукциона, но я никак не мог найти в ротных списках, куда следует отослать полученные деньги. Быть может, найдется что-нибудь в общих полковых списках.

Списки эти были проверены, и записанный капитаном адрес оказался правильным.

«В июне 1851 г. опасно заболел мой старый друг Джон Харфорд, бывший более пятидесяти лет методистским проповедником, — рассказывает почтмейстер м-р Хэпперфильд. —

Чувствуя себя плохо, он послал за мной и, когда я явился, он сказал мне: «Я очень рад, что ты пришел, друг Хэпперфильд; теперь я могу умереть спокойно, потому что уверен, что ты будешь заботиться о моей жене до самой ее смерти. Обещай мне это; ведь я тебя так давно уж знаю!» Я ответил: «Будь спокоен, я сделаю, что могу». «Я верю тебе», — сказал мне Харфорд, и скоро после этого (20 июня) заснул навеки. Я занялся его делами, и в конце концов оказалось, что у его вдовы остался небольшой капитал, которого однако было недостаточно, чтобы ее обеспечить. Я нанял для нее небольшую дачу и с помощью нескольких друзей постарался устроить ее, как можно удобнее. Немного спустя прибыл внук г-жи Харфорд, бывший школьным учителем в Глустершере, и пред-

ложил взять старушку к себе. На том, с ее согласия, и порешили. Прошло несколько времени. Переписки мы не вели. Я исполнил свой долг и на том успокоился. Раз ночью лежал я без сна в постели и думал.

Уже почти светало. Вдруг я почувствовал, что кто-то находится в комнате. Занавеска, закрывавшая мою кровать, была внезапно отдернута, и я увидел перед собою своего покойного друга, смотревшего на меня грустно и задумчиво. В немом удивлении я отчетливо расслышал следующие его слова, обращенные ко мне (сказаны они были совершенно натурально): «Друг Хэпперфильд, я пришел к тебе, потому что ты не исполнил своего обещания: жена моя в горе и нищете». Я ответил, что мною исполнен мой долг, что ни о каких стеснительных обстоятельствах, в которых, судя по его словам, находилась его жена, не слышал, но, во всяком случае, не оставляю ее своим попечением. Слова мои, по-видимому, удовлетворили призрак, и он исчез. Я тотчас же разбудил жену и рассказал ей, что случилось. Спать я более не мог, и лишь только встал, немедленно написал внуку г-жи Харфорд. В ответ он известил меня, что вследствие разного рода неприятностей лишился места и принужден был отказаться от мысли содержать свою бабушку, которую собирается отдать в богадельню. Я послал ему денег с просьбой прислать старушку обратно ко мне, что и было сделано. После этого г-жа Харфорд была вновь обеспечена во всех отношениях.

Ко всему следует прибавить, что человек я не нервный, а еще менее суеверный. Когда явился

мне призрак моего старого друга, я не спал и не был в возбужденном состоянии. Преувеличений в моем рассказе нет; все описано, как случилось».

В один из московских монастырей поступил иеромонах из полковых вдовых священников. В скором времени предался он известной человеческой слабости — стал сильно пить.

На увещания архимандрита несчастный слезно каялся и зарекался от сей слабости, однако неоднократно нарушал свой зарок. Архимандрит, наконец, вынужден был войти к митрополиту Филарету с донесением и предложением запретить слабому иеромонаху священнослужение, хотя бы временно.

Святитель Филарет не особенно любил, чтобы начальники монастырей обращались за содействием к его высшей власти для устройства или поправки подведомственных им дел. Архимандриту, часто жаловавшемуся на своих послушников, митрополит, наконец, сказал: «И тот у тебя не хорош, и этот худ! Набери ты мне ангелов,.. а грешников старайся исправить!»

По делу же с бывшим полковым священником, вероятно, доводы архимандрита были настолько основательны, что владыка решил запретить ему священнослужение.

Резолюция, однако, не была еще написана, и вот после обеда митрополит Филарет лег на диван

для кратковременного отдыха. Лишь только смежил он глаза в легком сне, как видит своего бывшего любимого владыку, митрополита Платона.

Явился он к нему, как бы в прежнее время, в своем любимом Вифанском саду, одетый в легкую и простую ряску, в бархатной скуфейке на голове и, ласково глядя на Филарета, говорит ему: «Василий Михайлович! (Под таким еще светским именем звал Филарета митрополит Платон.) Прости ты прегрешившего отца Ивана». И едва хотел Василий Дроздов, как бывало прежде, повергнуться к стопам любимого святого, как видение исчезло, и митрополит Филарет открыл глаза, будучи еще объят живостью всей обстановки посетившего его видения.

«Какой такой прегрешивший отец Иван? — подумал владыка. — Много у меня отцов Иванов!» И за разными делами забыл об этом видении в тот же вечер.

Но вот в наступившую ночь видит владыка второй необыкновенный сон — является к нему Император Александр I и тоже просит Филарета: «Не клади гнева, владыко, на моего храброго попа Ивана!»

«Сердцеведче Господи! — думает владыка, проснувшись от сна. — Кто такой поп Иван, что вот уже в другой раз души усопших из горних селений приходят просить меня о нем?..» И на имевшейся около его постели аспидной доске он записал, как имел обыкновение ловить мимолетные мысли, несколько слов на память.

После этого Филарет снова заснул, и по малом времени из сонной, подобно смерти, тьмы созна-

ния выступил перед ним третий величавый образ фельдмаршала, князя Кутузова-Смоленского. Славный победитель Наполеона предстал перед владыкой старым и изможденным краткой, но смертельной болезнью своей, поразившей его во время погони за отступавшим великим полководцем, и тоже обратил к Филарету просительные слова: «Не входи в суд, владыко, — говорил обитатель загробного мира, — снизойди к слабости духовника моего Ивана!»

Только что хотел было митрополит вздеть руку для благословения болящего старца, образ его как бы растаял во мгле, и Филарет снова пробудился.

Уже брезжил свет утра; пора было и вставать.

Сильно взволнованный такими необычными снами, владыка стал пред образами и в усердной молитве просил у Бога вразумления.

Сев по некотором времени за дела, первое, что увидел владыка, — было дело о неисправном иеромонахе Иване, присужденном к запрещению. Филарета сразу осенило.

«Вот он! — подумал святитель. — Это и есть тот поп Иван, чья судьба потревожила души великих людей в их вечном упокоении и заставила их явиться ко мне, недостойному, с просьбами... Да... он из полковых и мог быть знаем этими персонами, — но что значит столь разнообразное их появление? Почто взволновали душу мою столь дорогие образы?!»

Никому не сообщая о своих тайных думах, владыка послал в монастырь за неисправным монахом, чтобы он в тот же день явился к нему.

Со строгим взором и нахмуренным челом ждал владыка виновного иеромонаха.

Но вот и виновный. Отворив дверь покоя, где находился митрополит, келейник пропустил мимо себя высокого манатейного старца, в большой бороде которого седина не могла еще совсем побороть черного цвета молодости, и он пробивался сквозь нее прядями. Помолившись и облобызав руку владыки, иеромонах упал ему в ноги и со слезами стал просить:

— Вем, владыко, почто звал еси мя! Не помяни греха моего! Стыд мой предо мною есть выну!.. Не лишай, владыко, благодати благословения десницу, благословлявшую Царя на битву!

Эти слезы и слова старца-монаха взволновали митрополита, и он, сдерживая волнение, сказал ему:

— Встань, слабый, и скажи мне, как протекла жизнь твоя, и откуда ты произошел?

— Из причетнических детей, владыко, а обучался в Московской духовной академии.

— Значит, ты должен помнить владыку Платона, когда он был учителем пиитики и катехизатором академии? — спросил Филарет.

— Помнить владыку! — воскликнул иеромонах, всплеснув руками, причем обильные слезы снова полились из глаз. — Владыку Платона помнить?! Пусть прильпнет язык к гортани моей, когда я забуду славить владыку Платона! Забудь меня Господь Бог, когда я хоть раз, отходя ко сну, забуду вознести мою молитву о владыке Платоне. Он питал ко мне отчую любовь; я был у него лучшим учеником: владыка пророчил мне высо-

кую участь, но волею Создателя я пошел в белое духовенство, а у владыки Платона явился другой, достойнейший преемник Василий Михайлович Дроздов, звезда коего воссияла, и на ком до сих пор почитает благословение владыки Платона!

Иеромонах-старец, говоря это, плакал; по лицу митрополита Филарета тоже текли невольные слезы, при воспоминании о Платоне, нарекшим его своим духовным преемником в деле проповедования слова Божия.

И этот ныне виновный монах, и святитель, державший судьбу его в своей власти, были когда-то одинаково близки сердцу Платона.

— Дальше, дальше, — говорил Филарет.

— Дальше — женился, и суета мирская объяла меня... что должно было расцвести и принести плод, еще в состоянии почки было побито хладом мятежной жизни... При полках протекало мое служение, и с ними я отправился в великий поход против предводителя галлов и с ними двадцати языков...

— Так... так... Ну, и здесь ты имел случай видеться с покойным Императором Александром Благословенным?

— Неоднократно служил я на походе благодарственные молебны о дарованных нашему оружию победах, и сия недостойная десница благословляла монарха и была лобызаема им с христианским благоговением.

— Но это к храбрости еще не относится... Что ж ты, воевал что ли? — спрашивал архипастырь.

— Меча в руки не брал, но силою Креста Господня трижды прогонял супостатов и, вознося

его пред строем дрогнувших воинов, вливал новую бодрость и отвагу, и вел на вражеские окопы. Зело любим был я и простыми воинами и военачальниками, и сам монарх лобызал однажды меня в уста, и слезы тогда блистали в его добрых глазах.

«Так вот ты каков!..» — подумал про себя Филарет, оглядывая крупную и сильную фигуру иеромонаха.

— Ты говоришь, — военачальники тебя любили?.. Ты не состоял ли при Кутузове-Смоленском?

— Не состоял при нем, но был любим мастиным князем. Когда в немецкой земле, в городе Бунлаве, сего предводителя застиг внезапный и тяжелый недуг, я, недостойный, принял от него предсмертную исповедь и напутствовал его в жизнь вечную.

«Так вот он каков, храбрый поп Иван!» — удивлялся в душе владыка, созерцая мощную фигуру, стоящую теперь пред ним, скорбно и смиренно согнувшуюся... «Да, многомятежна была жизнь его, и в свое время он был истинный иерей Божий и много пользы принес, — думал Филарет. — Нет, это не простое совпадение обстоятельств, столь легко разрешимое людьми материального образа жизни, — соображал старец-святитель, — не войду я в суд с храбрым попом Иваном, снизойду и прощу его, по глаголу отца моего, по духу владыки Платона!..»

Сказав несколько увещательных слов иеромонаху, владыка преподавал ему благословение и отпустил.

— Иди и не прегрешай более, — сказал ему митрополит Филарет, и иеромонах Иван по-прежнему стал священнодействовать, но от порока своего скоро совсем избавился.

— Так вот, господа, — закончил свой рассказ отец благочинный: это происшествие, слышимое мною от лица, вполне достойного доверия, и связанное с именем одного из величайших иерархов русской церкви, не способно ли поколебать материальные взгляды некоторых слишком прямолинейных людей? Мистицизм средних веков доходил, правда, до нелепости, но это еще не служит причиной, чтобы человечество в своем дальнейшем развитии дошло до полного отрицания всего, что не можно ни взвесить, ни смерити и потому, по словам поэта, — «надо похерити».

После минутного молчания, разговор гостей соборного протоиерея возобновился с удвоенной силой.

«Перебирая старые бумаги моего дедушки, — рассказывает некто Дмитриев, — я нашел между прочим его дневник, из которого и выписал нижеследующий интересный факт:

«Служа у прокурора и бывая у него очень часто с бумагами, я однажды, оставшись в зале, выслушал разговор его с архимандритом Сильвестром, человеком очень замечательным обширностью ума, памяти и образова-

ния. Они начали прение о духах и привидениях, которые прокурор отвергал, а архимандрит доказывал, что в мире сем много есть сверхъестественного и уму человеческому недоступного, и в подтверждение слов своих сослался на факт, в Св. правительствующем Синоде находящийся, который он, имев случай, рассматривал. Происшествие было, кажется, в период 1730-1762 года, не помню, собственно, в какой именно местности. Дело было между царствованиями Анны Иоанновны и Петра III, при следующих обстоятельствах. Жило два смертных: воевода и архиерей, имевшие друг к другу за что-то неудовольствие, которое со стороны воеводы обратилось в непримиримую ненависть, вражду и мщение. Он желал во что бы то ни стало погубить архиерея имевшимися во власти его средствами, подговорил одну из непотребных женщин пойти в монастырь к архиерею, как бы для подачи просьбы, и во время сего, когда не будет никого постороннего, разорвать на себе платье и рубаху и бежать из комнаты с криком о насилии. Для свидетельства сего преступного действия подослано было в разных костюмах несколько человек, подкупленных воеводою. Подговоренная исполнила это и, выбежав из комнат, архиереем занимаемых, с криком объяснила подкупленным людям о покушении архиерея на честь ее. После чего подана воеводе просьба и, по представлении им начальству, наряжено было следствие из духовных и гражданских особ, присланных из других мест.

При следствии несчастная блудница объяснила покушение архиерея на честь ее, а свидетели

подтвердили виденное. Дело поступило на рассмотрение Св. Синода, который, хотя не вполне признал справедливость извета, подверг однако ж архиерея удалению в монастырь. После сего вскоре воевода, свидетели, старожилы и слышавшие этот скандал перешли в вечность, а обвинявшая архиерея женщина неизвестно куда девалась; но через 30 лет, когда умер и обвиненный архиерей, начала являться по ночам, кругом монастыря, женщина в белой рубаше, с распро- стертыми на голове волосами, которая каждую ночь стонала и ломала себе руки, вознося оные к небу. Явление продолжалось сряду года два. Вна- чале монахи и монастырские служители, а по- том, когда стало гласно, и местное светское уп- равление, хотели подстеречь и поймать бродив- шую, но как скоро приближался кто к ней, она ускользала, как тень, а по удалении понятых, она вновь продолжала бродить кругом монастыря, стонать и ломать руки. Когда доведено было до сведенья правительства, велено было сделать ра- зыскание причины такого появления. Долго ра- зыскивали, многих расспрашивали без пользы и успеха; но один монах, оставшийся в живых из бывших при описанном выше происшествии, при спросе, рассказал о том, присовокупивши мнение, что женщина, ходящая кругом монасты- ря, должна быть та самая, которая оклеветала не- винно архиерея, и что, вероятно, при смерти сво- ей не принесла покаяния. Святейший Синод, отыскав производство обвинения архиерея и рассмотрев обстоятельства этого дела, пришел к тому убеждению, что архиерей действительно

был оклеветан невинно, и что клеветница за поступок свой несет по смерти своей наказание, и потому определил: командировать трех архиереев в монастырь, где погребен оклеветанный невинно, дабы они отслужили всенощное бдение, обедню и панихиду за упокой усопшего, испросили у него при гробе от имени преступницы прощение. Еще во время приезда их, накануне в ночь, предшествующую молитвам, преступница ходила кругом монастыря и ломала руки, но когда на другой день исполнено было определение Синода, то со следующей ночи явление и хождение ее прекратилось и все осталось кругом тихо и мирно по-прежнему.

Думаю, что архимандрит не имел надобности рассказывать небывалые легенды, будучи очень умным и просвещенным человеком. Знание и ум его, по выражению известного малороссийского поэта Котляревского, если бы можно разделить на двадцать человек, каждый бы из них не уступил великим умам. Не верящий описанному сказанию может справиться в архивах Св. Синода и подробнее узнать и убедиться».

*(Дословно списал из дневника
Григорий Дмитриев.
Полтава, 29 августа».)*

Много лет тому назад, в бытность мою в Москве, навестила меня крестница моего покойного отца, бывшая замужем за учителем уездного училища в г. Корчеве Тверской губернии. Муж ее, человек еще очень мо-

лодой, и не смотря на то, что по каким-то обстоятельствам не мог окончить курса в Московском университете, был человек очень умный и развитой. Рассказывая мне про свою счастливую семейную жизнь, Лиза жаловалась только на здоровье мужа, страдавшего с некоторого времени довольно сильным нервным расстройством, вследствие одного очень странного случая в его жизни.

Вот что рассказала мне моя крестница: «Жили мы очень уединенно. Кроме своих занятий в училище, муж много читал и любил ходить на охоту. Охота сблизила его с недавно приехавшим в Корчев на место уездного врача еще очень молодым медиком, по фамилии Минике, только что окончившим курс в Дерптском университете. Вскоре они так подружились, что проводили свободное время вместе за чтением и на охоте. Часто разговоры их касались разных философских и религиозных вопросов, между прочим, и жизни загробной. В одной из своих дальних прогулок по лесу, окружавшему Корчев, они разговорились о бессмертии духа и о некоторых известных тому или другому случаях явлений по смерти. Под впечатлением разговора, Минике сказал: «Дадим друг другу клятву в том, что тот, кто первый из нас умрет, явится тотчас по кончи-

не другому». Клятва дана была очень серьезно с обеих сторон.

Оба еще очень молодые, они никогда не думали, чтобы одному из них пришлось вскоре исполнять данное обещание.

Несколько времени спустя в городе Ржеве открылась сильная холера, медиков там не доставало, и Минике откомандировали туда. Вскоре после его отъезда, однажды вечером, сидела я в детской, укачивала ребенка, — продолжала рассказ крестница, — а муж занимался в кабинете, вдруг я услышала страшный крик в его комнате и, положив ребенка в колыбель, бросилась к нему. Муж мой сидел в кресле бледный и весь дрожал. На вопрос мой, что с ним, он едва мог выговорить: «Стакан воды». Выпив глоток воды, он несколько пришел в себя и сказал едва слышным голосом: «Он был здесь». «Кто?» — спросила я.

— Минике, — отвечал муж, и когда успокоился, то рассказал мне, что читал он с большим вниманием и интересом, и вдруг почувствовал, что его точно что потянуло оторваться от книги и взглянуть на дверь. В дверях, выходящих в гостиную, он увидел Минике, и сперва радостно вскрикнул: «Когда это ты вернулся?» Но тут Минике молча приблизился и остановился перед ним, устремив на него долгий неподвижный взгляд, и затем молча исчез. Тут невыразимый ужас овладел мужем, и он невольно громко вскрикнул: «Минике умер!», припомнив данную ими друг другу клятву.

Через два дня получено было известие из Ржева, что Минике скончался от холеры именно в тот день и час, когда явился моему мужу».

В числе многих писем, оставшихся после смерти ярославского преосвященного Евгения, умершего на 94 году жизни, сохранилось одно весьма интересное — касательно перемещения его из Пскова в Тобольск. В

дневнике его о сем перемещении читаем следующее: «1825 г., июля 25 послал письмо, которым просил, чтобы переместили в Тобольскую епархию, которая тогда была праздною». Какая тому была причина, ни в письме не объяснил и никому не открыл. Не было, впрочем, ни бед, которые все уже отвращены, не имел ни с кем и вражды или от кого-либо обиды, будучи со всеми всегда откровенным и искренним; и в последней своей проповеди пред Богом свидетельствовал, что он всем и всеми был доволен. Но бывают в жизни случаи и намерения, коих основание одному Богу известно. А что оно было достаточно и пристойно, этому тем более можно верить, что Евгений во всю свою долголетнюю жизнь никогда ни о чем не просил, всегда Богу поручая свою участь.

Смерть преосвященного Евгения дает возможность снять печать тайны, поведать которую преосвященный Евгений не заблагорассудил в своем дневнике. Из письма его к одному иерарху, давно уже умершему, открывается, что причиной просьбы его о перемещении в Тобольск было таинственное видение. Вследствие этого видения преосвященный поспешил обратиться к первенствующему члену Св. Синода, митрополиту Серафиму, с письмом, прося представить

его к замещению Тобольской кафедры, но не открывая причины своей просьбы. Такое же письмо он писал к другому члену Синода, архиепископу Ярославскому Аврааму. Оба члена Синода были изумлены тем, что Евгений, неизвестно почему, просится из лучшей епархии в худшую и отдаленную, и отвечали ему отказом. Евгений снова обратился к ним с просьбою о ходатайстве пред Государем Императором о перемещении его в Тобольск, присовокупляя, что если и на сей раз получит от них отказ, сам будет просить Государя о перемещении в Тобольск. На сей раз Евгению удалось расположить упомянутых членов Синода в свою пользу, но один из них, архиепископ Варлаам, просил Евгения объяснить ему конфиденциально причину настойчивого желания променять одну кафедру на другую. Евгений не скрыл от него этой причины в ответном письме. Вот что он сообщил: «Весь просвещенный свет смеется снам. Духовный регламент не велит производить в священники тех, кои верят снам. А я должен открыть, В.В., что не иная причина моего перемещения. Это без сомнения изумит Вас, но прошу выслушать, какого сорта мой сон.

Их было три — первый и второй через два дня, один после другого, третий после второго спустя три дня. В первом видится покойная моя матушка; сон очень ясен. «Я, — говорит, — пришла к тебе нарочно посоветовать, чтобы ты просился из Псковской епархии». Много было разговоров и за, и против, но заключила она тем: «Я этого от тебя требую и непременно приказываю, — этого требует польза души твоей». С сими словами она

простилась со мною, и что потом снилось, не помню.

Проснувшись, я этим нимало не занялся. Спустя два дня видится мне отец, покойный же, коего я во сне никогда не видал: будто стоит у церкви на паперти и говорит: «Евгений, поди сюда». Я подошел: он меня благословил и поцеловал. Потом говорит:

— Была у тебя мать?

Я отвечаю: — Была.

— Что же ты ее не послушал? Ее я послал к тебе.

— Зачем же мне уезжать из Пскова? Мне здесь хорошо.

— Для того-то и выдь, что хорошо, этого требует польза души твоей.

— Куда же мне выйти?

— Теперь много архиерейских вакансий. Послушайся; прости же, мне время служить.

И, простясь, ушел в церковь, а я проснулся.

Этот сон произвел на меня сильное впечатление. Я думал и передумывал и окончил тем, что основываться на сне было бы странно, а других резонов, чтобы проситься, не мог придумать.

Спустя три дня видится мне митрополит Платон, будто ко мне взошел в кабинет. Я очень смешался, что мне не сказали. Хватаюсь за рясу и камилавку. Он мне говорит:

— Не заботься о пустом. Я пришел о деле с тобой поговорить, что не слушаешься отца и матери.

— В чем?

— Для чего не просишься из Пскова?

— Куда же проситься? Вакансии епископские — неужели о понижении.

— Неправда, есть высшая — Тобольская.

— Ваше высокопреосвященство, — это Сибирь.

— Но ты не достоин и епископской. Повинуйся, я тебе повелеваю именем Божиим (при сих словах я весь задрожал).

— Повинуюсь, но к кому я пошлю просьбу?

— К Аврааму.

— Что напишу?

— Ничего, только просись.

— Но если не уважат без резона?

— И будет принята, и исполнится.

Потом он снял со стены образ и подавая, сказал: «Целуй в знак клятвы». Я поцеловал, и потом он благословил меня и сказал: «Теперь ежели не послушаешь, будешь под клятвой», и вышел он с последними словами. Я проснулся, и поверите ли, почтеннейший архипастырь, *я слышал их проснувшись и видел его выходящего из двери*. Я вскочил посмотреть далее, но более уже ничего не видал. Вот вам исповедь моя совершенная. Посудите, мог ли я противиться?»

«Было около половины апреля, — рассказывает Гейнце. — Я служил в то время в Московском окружном суде и жил неподалеку от Кремля по Моховой улице в номерах Скворцова, известных среди московских студентов под сокращенным прозвищем «Скворцы». Придя в четыре часа со службы, я

пообедал и, сидя на диване, начал читать какую-то книгу. Расположение моего номера было самое обыкновенное: довольно большая комната была разделена перегородкой на три части: маленькую переднюю, спальню и приемную. Диван стоял так, что я мог, сидя на нем, видеть входную дверь. Был, как я уже сказал, пятый час вечера; на дворе было совершенно светло, день был солнечный. Случайно взгляд мой, оторвавшись от книги, упал на входную дверь, на которой заметил небольшой светлый кружок, похожий на то, когда дети шалят, пуская зеркалом зайчиков по стене; но номер мой был в третьем этаже, в окнах находившегося напротив моего номера здания не было видно никого. Я, встав с дивана, внимательно осмотрел эти окна и снова сел на диван, посмотрел на дверь — светлый кружок делался все больше и больше; я замер, наблюдая это странное явление. Светлый круг обнимал уже дверь, когда из него стала отделяться темная фигура, делаясь все рельефнее и рельефнее. Вот она совершенно отделилась со стены и стала медленно приближаться ко мне: я слышал шорох мягких шагов и сидел не шелохнувшись, как пригвожденный к месту. В этой фигуре я узнал моего покойного отца, умершего в январе 1880 г. Он был одет во фрачную пару. Кроме каштановых усов с сильной проседью, которые он носил при жизни, он казался обросшим коротенькой, совершенно седой бородой. Призрак приблизился к преддиванному столу, обошел его и сел со мной рядом на диван. Я не в состоянии был не только крикнуть, но и произнес-

ти слова: страх, я откровенно сознаюсь в этом, скомал мой язык.

Призрак протянул мне руку, я машинально подал ему свою; рука загробного гостя не обдала холодом трупа; напротив, она производила впечатление руки человека, пришедшего в комнату со двора, — в ней чувствовалась свежесть. Он заговорил; голос казался выходящим из-под полу, он был глухой, но все-таки похожий на голос отца. Я позволю себе опустить подробности этого разговора, касающиеся лично меня; скажу лишь одно, что он сообщил мне такие вещи, о которых не мог знать при жизни, так как многое случилось уже после его кончины.

Я несколько времени не мог прийти в себя.

Вечером после описанного мною явления я поехал к моей матери, которая в то время жила в здании Екатерининского института, где она и получила образование, твердо решившись расспросить ее подробно о болезни и похоронах отца.

— Скажите, пожалуйста, в чем вы его положили? — задал я ей вопрос.

— Во фраке...

— Он до последнего времени не носил бороды?

— Нет, но во время болезни у него отросла совершенно седая борода.

— Да ведь у лютеран в обычае брить бороды по смерти тем, кто не носил их при жизни?

— Мне это говорили, но я не согласилась и положила его так, с бородой... Да зачем все это тебе?

Оказывается, что я, не видев его ни во время болезни, ни после смерти, видел его именно таким, каким его положили в гроб».

«У меня была сестра, умершая внезапно в прошедшем году в Дюнкирхене, — рассказывает одна поселянка из Герцеле в Голландии. — На следующий день после ее смерти умер и ее шестимесячный ребенок. Их

похоронили вместе, и я была на похоронах. Месяц спустя, в октябре, когда я вечером ожидала возвращения мужа с работы и подкладывала дрова в камин, послышался стук приподнятой щелчки. Были сумерки, лампа не была еще зажжена. Предполагая, что это муж, я не дала себе труда обернуться и посмотреть на дверь. Не слыша однако другого звука, я оглянулась и похолодела от ужаса. Полено выпало у меня из рук, и я думала, что умру на месте. Я увидела мою сестру посреди комнаты с ребенком в руках, увидела ее так ясно, как нельзя лучше. На ней было то самое платье, в котором я видела ее в последний раз перед смертью; она стояла неподвижно, разгоревшееся пламя осветило ее лицо, и я заметила, что она необыкновенно утомлена и грустна. Я так дрожала, что не могла стоять на ногах и села, сделав крестное знамение на себе. Сестра не двигалась с места. Зубы у меня стучали, как в лихорадке.

— Сестра, — промолвила я, наконец, — не ты ли умерла в Дюнкирхене?

— Точно, я, — ответила она слабым голосом.

— Не молитвы ли ты просишь у меня?

— Марианна, все это время я старалась поговорить с тобой. Незадолго до смерти я обманула на двадцать франков родственницу моего мужа:

пошли, ради Бога, эти деньги тетке Дезире, и та отдаст их кому нужно.

Я обещала ей это и, взглянув на нее с большим самообладанием, увидела, что одежда сестры, как бы погружалась в пол.

— Придешь ли ты опять? — спросила я.

— Не знаю, это очень трудно. Я больше двадцати раз пыталась прийти сюда, но меня всегда удерживало какое-нибудь препятствие. Однажды твой муж, другой раз дети помешали мне, и вот я, наконец, пробралась к тебе. Не забудь же своего обещания насчет денег.

С этими словами она исчезла, и я снова услышала стук щеколды. Стало совершенно темно, и мне было до того жутко, что холодный пот выступил по всему моему телу. Вскоре пришел мой муж и рассказал, что на дороге кто-то схватил его за плечи и несколько времени крепко держал на месте; было это минуты за две, за три до прихода домой».

«На днях один очень почтенный сановник передал мне следующую странную историю, имевшую место в начале 60 годов, в здании одного из министерств в Петербурге.

“Я был делопроизводителем в нашем департаменте, — рассказывал он, — а директором был мой дядя. Обедал я у него чуть не ежедневно, тем более что жена его была барынька пречудесная и ко мне, холостому племян-

нику, относилась весьма сочувственно. Понадобилась однажды вечером дяде справка; не хочет ждать до утра — сейчас ему подай, а справка у меня в столе в департаменте, и ключ у меня. Дядя говорит: «Сейчас велю заложить лошадь, поезжай и привези немедленно». Нечего делать — поехал. Зимний вечер, снег, вьюга. Приезжаю. Конечно, некоторый переполох. Сторож у нас был из перекрещенных жидов, звали его Шмуль Занн. Он засуетился, зажег сальную свечку (ведь это теперь по всем министерствам электрическое освещение, а тогда только по стенам горели лампы, и то масляные), и отправились мы с ним во второй этаж в департамент. Лестница огромная, темно, от свечки даже точно темнее еще стало — дает она только маленький круг света, а остальное — мгла беспросветная. В окна вьюга так и стучит, все закидало хлопьями, стекла звенят. Ко всему этому я всегда поверхностно относился, и потому на нервы мои это не действовало. Идем дальше и дальше. Отпирает Шмуль одну дверь, другую. Вот и департамент наш: огромная карта Российской Империи во всю стену, портреты Государей во весь рост.

Только что мы стали входить в ту комнату, где я, по обыкновению, занимался, показалось мне, что кто-то серый такой выходит в противоположную дверь. Показалось мне, и тотчас же я отогнал эту мысль, решив, что это тень от нашего шевелящегося пламени. Даже не вздрогнул я, а подошел к своему столу и говорю Шмулю: «Свети хорошенько», вынул ключ, отпер ящик и стал рыться.

Но едва я сел, и воцарилась тишина, как совершенно явственно послышались в соседней комнате шаги.

— Шмуль, — говорю, — там есть кто-то? — А он отрицательно трясет головой.

— Никого, ваше высокородие, извольте быть спокойны.

Ну что же, думаю, верно это ветер. Нашел бумаги, задвинул ящик, только хотел встать, слышу, что там не только шаги, а и стулом кто-то двигает.

— Шмуль, — говорю, — разве ты не слышишь?

— Слышу, только это так. Извольте уходить!

— Как так? Пойдем посмотрим...

Тут уже он скорчил недовольное лицо.

— А ну ее, — говорит. — Ну, чего смотреть?!

— Да ты про кого это?

— Да про бабу.

— Про какую бабу?

— Да что тут ходит.

— Что ты врешь! Какая баба? Зачем она здесь? Гони ее вон!..

Он протянул шею и повел носом:

— А как ее выгонишь, коли она неживая?!

— Ты опять пьян?

— Никак нет. Извольте спросить у всех сторожей. Как девять часов ударит, и пошла стучать по всем комнатам... И ребенок на руках...

Меня взорвала эта глупость.

— Бери свечу, идем.

И опять, едва мы вошли в соседнюю комнату, я увидел, что кто-то промелькнул в двери. «Ша-

лишь», — подумал я и скорыми шагами направился туда. Сзади ковылял Шмуль и все твердил:

— Оставьте, ваше высокородие, лучше вернитесь.

В третьей комнате я уже ясно видел, как между столов, торопясь и путаясь, шла невысокая, худенькая бабенка, в платке на голове, в кацавейке, с чем-то завернутым в одеяло.

— Что тебе надо? Пошла вон! — крикнул я.

Она на мгновение остановилась, испуганно оглянулась и затем, быстро семеня ногами, пошла по амфиладе темных комнат.

Я пошел за нею.

— Стой! Постой! Кто ты? Как попала сюда?! — Но она не оборачивалась, не останавливалась. Я решил остановить ее во что бы то ни стало; я знал, что загоню ее в последнюю комнату, откуда нет выхода. Но вот тут-то и произошел казус. Она, очевидно, прошла сквозь запертые двери, оттого что за мгновение перед тем я видел ее в дверях и так близко, что почти дотрагивался до ее плеч, а через мгновение руки мои встретили наглухо запертые створки, и больше ничего.

Холодный пот выступил у меня на лбу, я растерянно взглянул на Шмуля.

— Ну и что, взяли, — сказал он совсем хмуро. — Охота, ваша высокородие, со всякою, можно сказать, мерзостью возиться!

— Шмуль, да это что же?.. — спросил я.

— Да если она толчется здесь каждый вечер, значит, так надо, — философствовал он, — значит, ее земля не принимает...

— Ты ее часто видишь?

— А кто ее не видит? Ее все писаря видят, что внизу живут, она у них все по коридору ходит... она и теперь там...

— Что за чепуха! Зачем же?..

Он пожал плечами.

Вьюга забила в стекло как-то особенно ярко, снег просто так и рвался в окно. От наших фигур две огромные тени шевелились по стенам, цепляясь головами за потолок...

— Столоначальник Афтыхин ее два раза видели, — заметил мой спутник, — и даже бежали от нее в испуге.

Я прошел в дежурную комнату выпить стакан воды. Дежурный чиновник Поклепкин сердито расписывался в книге насчет получения от курьера какого-то пакета.

— Вот мы ее опять видели, — заметил Шмуль дежурному, зажимая пальцами пламя свечи.

— Изволили видеть? — отнесся ко мне Поклепкин. — Недаром второй стаканчик изво-лите испивать. А каково-с дежурить? На прошлой неделе она явилась сюда в дежурную комнату с младенцем, Никифоров так и грянулся на землю.

— Однако же это дело надо исследовать, — заметил я.

— Да как вы его исследуете? Ходит видение из загробного мира и смущает. Что же тут поделать? Разве молебен отслужить! Но в таких разгах и молебствие не помогает, — ведь это не наваждение, а просто покойник.

— Нет это надо разрешить как-нибудь, — настаивал я.

— Премного обяжете. А то дежурить невозможно. Помилуйте, ведь всем видимо: курьеры — и те видят. Младенцы даже лицезреют. Намедни семилетний сын Лонгина Иванова видел... Просто хоть переходи в другое ведомство.

Когда полчаса спустя я рассказал все происшествие в гостиной дяди, где собрался кружок обычных знакомых, мне не поверили, даже подняли меня на смех. Тогда я предложил всем убедиться: пойти ночью в наше министерство и удостовериться. Среди хохота и шуток начали составляться пари и заклады. Определен был день для исследования.

Я предварительно собрал подробные сведения о том, где по преимуществу является это странное существо. Оказывается, что ежедневно между 11—12 часами ночи она блуждает по длинному коридору, по обе стороны которого расположены квартиры писарей и курьеров, и качает своего ребенка. Если кто показывается в коридоре, она выжидает его приближения и затем начинает уходить всегда в одну и ту же сторону, откуда приходит. Собралось нас пять человек, пожелавших призрака поймать во что бы то ни стало. Кроме того я выбрал двух сторожей поздоровее, в том числе и Шмуля, снабдив их фонарями.

Собрались мы в 10 часов в свободной комнате, где жильцов не было, поставили ломберный стол и уселись за преферанс. Уж это обстоятельство указывало на то, насколько мы скептически относились к самому факту появления тени. Немало было смеха по поводу шпаги, которую я принес с собой и поставил в угол. Спрашивали, отче-

го я не взял револьвера, говоря, что надворному советнику приличнее всего таким оружием сражаться с какой-то бабой, посещающей коридор с курьерами и писарями. В углу были сервированы водка и закуска. Ну, словом, были очень веселы ровно до той минуты, когда Шмуль, тихо стоявший у двери настороже, шепнул: «Идет».

Карты посыпались у нас из рук. Почти все побледнели. Я схватил шпагу и стал наготове. Сторожа взяли фонари. Сердце выколачивало барабанную дробь. Шмуль, поглядывавший в щелочку, сказал: «Близко!.. Слушайте!..»

Мерный стук шагов раздавался явственно и гулко по пустому коридору. Слышно было, что кто-то идет неторопливо, неуверенной походкой. Шмуль, обратился ко мне и сказал: «Ну!»

Я, сжимая эфес шпаги, распахнул дверь и сделал шаг в коридор. Она была в двух шагах от меня. При моем появлении она сразу остановилась. Свет от фонаря падал на ее старый клетчатый платок, от которого густая тень ложилась на лицо, но и лицо было видно — оно бледное со впавшими щеками и лихорадочным взглядом. На руках ее шевелилось что-то, завернутое в тряпки. Она смотрела на меня исподлобья — черты лица ее точно колыхались, то расплывались, то выступали ясно.

С минуту мы молча стояли друг перед другом. Наконец, я овладел собой и сделал шаг к ней. Она быстро повернулась и пошла прочь.

— Свети! — крикнул я и кинулся за ней. Но она побежала. Свет прыгал возле меня и ясно освещал ее спину — старую полинявшую кацавейку. Но ноги ее шлепали быстро, стуча башмачка-

ми, я видел их, они были без чулок — худые, посиневшие, башмаки свободно хлябали на них; я видел ее круглую пятку...

Она выбежала на черную лестницу и стала подниматься наверх. Удивительно, как она не потеряла своей обуви, прыгая через три ступеньки, так что мы едва поспевали. Вот один поворот, другой, третий. Она бежит все выше, мы задыхаемся, — но бежим — нельзя же потерять ее из вида. Вот и четвертый — последний этаж. Я один опередил других и все еще ее вижу. Она бежит еще выше, но куда же? Последний заворот, и я наткнулся на какую-то дверь — дальше хода нет.

Вот и Шмуль с фонарем. Эта дверь на чердак. У двери никого: вокруг меня стены. На двери огромный замок. Все мы столпились. Что же делать? Послать за ключом!

Бегал за ним Шмуль минут десять, не меньше. Долго возились, пока открыли тугой замок. Вот и отворилась дверь. Не поздно ли?

Обыкновенный чердак, красные кирпичи по стенам, запах затхлости и пыли. Взошли, огляделись.

— Да, много найдете!.. — сказал кто-то.

А она стоит неподалеку и смотрит на нас, я опять к ней; она опять повернулась и опять пошла. Бежать уж неловко: пол кирпичный, неровный. Да и она не торопится, идет в трех шагах от нас. Дошла она до одного угла, остановилась, опять к нам обернулась и прижалась спиной к стене. Шмуль поднес ей фонарь к самому лицу, она отклонилась и вдруг точно стала уходить в стену, точно ее вдавливало что туда, и тут же на

глазах у нас ушла совсем, и осталась только кирпичная стена, и ничего больше.

Долго мы стояли молча.

— Что же делать? Что там за стеной?

Смотритель объяснил, что тут стена соседнего дома.

Тут я только заметил, что у меня в одной руке шпага, а в другой мелок: я как собрался записывать ремиз, так и не выпустил его из рук. Я начертил большой белый крест на том месте, куда она ушла, и мы стали спускаться.

Вот и весь мой рассказ. Но самое удивительное впереди. Я настоял, чтобы под моим крестом вынули ряд кирпичей. Постройка была фундаментальная. На высоте аршина от пола, найдено было пустое пространство. Там лежали кости от женского скелета. Платье истлело, остались только башмаки. Детского скелета не было. Доктор заявил, что костям не менее полстолетия. Наш священник кости отпел, и их похоронили где-то на мой счет. Никакие привидения более не показывались в нашем министерстве"».

Сэр Джордж Меккензи, знаменитый юрист времен Карла II, жил по большей части в Эдинбурге и имел привычку гулять перед обедом, в продолжении получаса времени. Местом его прогулок была всегда уединенная аллея городского парка. Однажды, гуляя здесь, он встретил весьма почтенного седого ста-

ричка, который прямо подошел к нему и безо всяких предисловий сказал:

— Вот уж две недели, как у вас, в Лондоне, идет очень важное дело, ваше присутствие необходимо, вопрос идет о наследстве громадного поместья; нашелся ложный претендент, делающий все возможное, чтобы обездолить настоящего наследника. У последнего, к несчастью, нет налицо некоторых документов. Вы непременно должны быть сами на суде; а что касается документов, то вы найдете их на чердаке замка в спорном поместье; они писаны на пергаменте и лежат в большом дубовом старом шкапу.

Сообщив это важное сведение сэру Джорджу, старик исчез, точно сквозь землю провалился.

Сэр Меккензи продолжал свою прогулку и скоро забыл о странной встрече.

На следующий день, гуляя по той же самой аллее, он снова увидел вчерашнего старика, он опять подошел к сэру Джорджу и опять стал умолять его немедленно ехать в Лондон, говоря, что он будет щедро вознагражден за беспокойство; но Меккензи и на этот раз не обратил на него особенного внимания.

На третий день, когда он снова вышел на прогулку, старик опять подошел к нему и, энергично настаивая на его возможно скорейшем отъезде, заявил ему, что «в противном случае процесс будет проигран».

Его настойчивость и видимая боязнь за отсутствие сэра Джорджа в процессе, так сильно его интересовавшем, заставили последнего сперва призадуматься, а затем и исполнить его просьбу.

Рано утром на следующий день, он верхом выехал в Лондон, куда и прибыл к самым прениям.

Перед тем, чтобы отправиться в суд, он поехал в поместье, о котором шел спор в суде. Там встретил одного из сонаследников.

При входе в гостиную замка сэра Джордж прежде всего обратил внимание на один из висевших на стене портретов.

— Кто это такой? — спросил он у наследника.

— Это мой прапрадед, — ответил тот.

— Боже мой, — воскликнул адвокат: — да ведь это тот самый старичок, который три дня подряд подходил ко мне и говорил со мною о вашем деле.

Сэр Джордж немедленно потребовал, чтоб его свели на чердак. Там он тотчас же увидел кипы бумаг, пожелтевших от времени и раскиданных на полу.

Юрист и наследник принялись перелистывать их, надеясь найти какие-нибудь указания по делу наследства, но ничего не находили.

Тогда сэра Джордж пошел осматривать другое отделение чердака и здесь нашел большой старый дубовый шкаф, источенный червями.

Осмотрев тщательно все уголки шкафа, сэра Джордж имел счастье разыскать недостающие документы, необходимые для выигрыша процесса.

Оба поспешили в суд к слушанию дела. В великолепной речи сэра Джордж изобличил все проiski ложного претендента, доказав права своего клиента, и в заключение торжественно предъявил суду все недостающие фамильные документы.

Дело было выиграно самым блестящим образом.

Сэр Джордж вернулся в Эдинбург, щедро вознагражденный, но никогда уже больше во время своих ежедневных прогулок не удалось ему встретить ходатая из загробного мира.

Общие выводы из рассказов о явлениях умерших

сновываясь на тех данных, какие имеются в представляемых нами рассказах, можно сделать следующие выводы о явлениях умерших живым.

Являются умершие преимущественно близким их сердцу — родным, друзьям и знакомым, хотя иногда бывают случаи явления их и посторонним лицам, даже совсем незнакомым. (*Рассказы: 1, 17, 21, 24, 25, 47, 50.*)

Почему не все умершие являются, а только некоторые, неизвестно. Видно только из одного рассказа, что им строго воспрещено являться тем людям, которые сильно могут испугаться их, под угрозой лишения права на дальнейшие свидания с живыми (*расск. 62*). Так, мать, явившись дочери-ребенку во сне, предупреждает ее не пугаться, когда она придет к ней наяву (*расск. 18*). А равно, когда умерший явился отцу своему, то первым долгом стал успокаивать его, говоря: «Не бойся, батюшка, я ничего тебе не сделаю» (*расск. 12*). Также поступил и послушник, явившись одному из монашествующей братии: «Не пугайся меня, я не привидение, а действительно Н.», — говорит явившийся (*расск. 20*). «Я могла бы сделаться видимой и тете твоей, — говорит мать своей маленькой дочери, — да она не вынесет и может

заболеть, — дети меньше нас боятся, чем взрослые» (расск. 18).

Одни из умерших являются днем, другие только ночью, так что дневное появление для них как будто совсем невозможно.

Являются большей частью там, где было последнее их на земле местопребывание, хотя встречаются примеры явлений и в местах совершенно случайных. Чаще всего являются в той одежде, в какой они преданы были земле. Умершие же насильственной смертью, как-то: утопленники, удавленники, убитые — появляются с признаками, служащими указанием на род их смерти. Так, утопнувшие являются в мокрой одежде, убитые — с ранами, от которых последовала смерть, и т. п. Эти явления бывают большей частью в момент смерти или вскоре после нее (расск. 8, 20 и 21).

Одни умершие, являясь известному лицу, стараются, чтобы никто из посторонних не заметил их. Так, когда явилась жена мужу и услышала, что теща его (он был женат на другой) направляется в ту комнату, в которой она беседовала с ним, сказала: «Прощай! Никто меня не должен видеть с тобой!» (Расск. 66.) Явившаяся передает своей сестре: «Я больше двадцати раз пыталась прийти сюда, но меня всегда удерживало какое-нибудь препятствие. Однажды твой муж, другой раз дети помешали мне» (расск. 79). Случается и так, что посторонние хотя не видят умершего, но голос его слышат (расск. 27). Встречаются и такие примеры, что умерший является сразу нескольким лицам, находящимся в одном и том же месте, так что видят его все с одинаковой отчетливостью (расск. 5, 8, 31, 39—41, 47, 54, 60, 62, 65).

Иногда являются целыми группами и даже в сопровождении лиц, совершенно незнакомых для тех, кому они явились (расск. 18, 28, 64). Замечательно то обстоятельство, что умерших видят даже животные, как, например, собаки, которые замечают появление умерших прежде человека и при этом так же, как и люди, пугаются их (расск. 2, 31, 57).

Нам кажется, что не все отшедшие души имеют одинаковую материальную оболочку, в которой являются живым. По всей вероятности, в зависимости от их оболочки находится и то обстоятельство, что одни являются вдруг, словно из земли вырастают, другие медленно, предупреждая о своем появлении разными внешними знаками, как то: шорохом, постукиванием в дверь, стуком шагов и т. п. (расск. 39, 63). Затем, одни из них входят и выходят через затворенные двери, окна, стены, так что для них не существует никакой внешней преграды (расск. 5, 52, 54, 60, 67). Другие же не иначе, как через открытые двери. Если же двери бывают заперты на замок, умерший стучит, чтобы ему отворили (расск. 63). Трудно сказать наверное, потому ли они стучат, что не могут войти через запертые двери, или же стуком предупреждают о себе, чтобы внезапным своим появлением никого не испугать.

Скажем подробнее, как наяву появляются и исчезают умершие.

Многие при появлении своем кажутся идущими, причем как бы скользят, не касаясь пола или земли. Случается и так, что умерший идет, как обыкновенный человек, даже слышны бывают шаги его. Появляются и таким образом: сначала показывается яркий свет, в виде

пятна, свет нежный, белый, подобно лунному сиянию. По мере приближения, светлое пятно увеличивается в своем объеме, и замечается в нем волнообразное движение. Подвигаясь вперед, оно как бы плывет, не издавая ни шума, ни звука.

В этом воздухообразном движении сначала обрисовывается лицо, потом грудь и руки и наконец выступает целая фигура человека. Но явление вначале представляется неотчетливо, как бы в тумане; затем, по мере приближения, оно делается яснее и яснее.

Исчезновение умерших происходит тоже неодинаково. Одни скрываются вдруг, так что нет возможности заметить, как и куда скрылся умерший. Другие же удаляются медленно, точно не желая расстаться с тем лицом, которому явились. Сначала явившийся бледнеет, превращаясь как бы в туман или облако, тихо отделяется от земли, потом мало-помалу поднимается вверх, становится более и более воздушным, сливаясь с воздухом, наконец, расплывается в нем и исчезает в пространстве (расск. 3, 5, 29, 59, 61, 64).

Сами ли по себе умершие являются на земле, или с разрешения высшей силы — трудно ответить на этот вопрос положительно. «Да ведь ты, Сережа, умер, как же ты сюда пришел?» — спрашивает умершего родной брат. «А нас отпускают», — отвечал явившийся. Но кто его отпустил и по его ли просьбе или независимо от него самого, — этого умерший не объяснил. То же самое видно и из рассказа № 48: явившийся объясняет своему другу, что «ему дозволено явиться, но кто дозволил, он не открыл». «Нужно было к тебе прийти, я и пришел», — говорит своей жене явившийся муж, но кто и как ему разрешил

явиться, тоже умолчал объяснить (расск. 52). «Мы с тобой вместе будем жить, — говорит явившийся старец своему бывшему послушнику, — мне позволено прийти проводить тебя туда» (расск. 14). А кто ему позволил — тоже не сказал. «Придешь ли ты опять?» — спросила одна женщина явившуюся сестру. «Не знаю, это очень трудно». Неопределенны также ответы умерших, помещенные и в других рассказах. Так, мать, явившись в последний раз дочери, говорит, что «больше она не явится, так как миссия ее окончена» (расск. 18). «Мне уже пора уходить, миссия моя окончена», — говорит явившийся своей жене (расск. 7). Интересен ответ одного явившегося, когда пригласили его садиться: «Ах, нет, — сказал он со вздохом, — мне ведь дано немного времени, и я издалека, издалека летел сюда и спешил, мне уж время возвращаться», — и исчез (расск. 20).

Впрочем, о некоторых явлениях можно сказать, что они были с соизволения Божия. Так, девица, явившись к своему жениху, говорит: «По милости Всевышнего, мне самой разрешено объявить тебе о моей кончине» (расск. 10). Мать, явившись сыну, говорит: «Господь послал меня к тебе» (расск. 70).

Некоторые умершие, при свидании с живыми, бывают весьма общительны. Они выражают свой привет рукопожатием, поклонами, поцелуями, принимают живых в свои объятия, ласково гладят лицо их, волосы, а равно не препятствуют и живым проявлять чувства нежности. Случается даже, что явившиеся приносят живым приветы из загробного мира, и от живых не отказываются передавать поклоны умершим (расск. 2, 3, 6, 7, 12, 14, 18, 44, 55, 62).

Благодаря такой общительности, некоторые живые настолько осваиваются с умершими, что иногда забывают, с кем они имеют дело. Так, один парикмахер до того забылся, что он видит перед собою умершего брата, что закуриив трубку, предложил ему покурить, но тот, конечно, отказался: «У нас, — сказал он, — не курят» (расск. 55).

Иные же умершие не только сами держат себя далеко от живых, но даже последних не допускают приближаться к себе. Когда, например, явился одной женщине сын ее — малютка, и та хотела в порыве материнского чувства, привлечь его в свои объятия, дитя, угадав ее мысли и отодвинувшись несколько назад, предупредило: «Мама, ты меня не трогай, меня теперь нельзя трогать» (расск. 13). Точно так же, когда дочь хотела подойти к матери и взять ее за руку, та отстранив, сказала: «Не прикасайся ко мне» (расск. 61.)

То же необходимо сказать и относительно речи их. Одни из умерших охотно вступают в разговор с живыми, рассказывают, как они бывают между родными, что видят, что слышат; другие же сохраняют строгое молчание и отвечают только тогда, когда их спрашивают. Являются и такие, что ни слова не проронят во все время своего свидания. Отчего такая разница между ними — неизвестно. Зависит ли это от их доброй воли или от чего другого, мы не знаем. Из некоторых рассказов видно, что многие умершие обладают способностью читать чужие мысли и предсказывать будущее. Так, муж явившись своей жене, сначала старался уверить ее, что «смерти нет, а только тело сгниет, душа же вечна», потом открывает ей, что она умрет от руки сына, и это

ужасное предсказание вскоре исполнилось (расск. 7); когда к одной женщине явился сын ее — малютка, и она думала обнять его, он, отодвинувшись от нее, сказал: «Мама, ты меня не трогай, меня нельзя трогать» (13). Мать, явившись своему сыну, архиерею, говорит: «зачем ты так горько плачешь, сын мой? (он страдал меланхолическими припадками и просил себе помощи у Бога). Понимаешь ли, что ты просишь у Бога? — продолжала явившаяся. — Для Него нетрудно исполнить твое прошение, но ты не знаешь, чего можешь лишиться через это?» (42). Явившийся иеромонах своему духовному сыну- послушнику сказал: «Полно тебе греховным помыслам предаваться, борись и сопротивляйся им, а обители обеими руками держись» (43). Умершая, явившись больному священнику, сказала: «Ты не бойся своей болезни, а опасайся вот чего», и сделала ему предостережение, что и действительно в точности исполнилось (51). Муж, явившись жене своей, говорит: «Ты не спорь со мной, мне все известно; лучше поговори с сыном и постарайся урезонить его, чтобы он не женился на той девушке, на которой хочет, и ежели он не послушает тебя, то через 10 дней я возьму его к себе». Действительно, через 10 дней сын его отдал Богу душу — лошадь смертельно ударила его в правый бок (52). Денщик, явившись по обещанию офицеру, открыл день смерти его (57). Некая дама явилась священнику и просила отправиться с нею со Св. Дарами к умирающему ее сыну, хотя тот был совершенно здоров. На другой день он скончался от разрыва сердца (71). «Отец твой скоро женится, но ты не пугайся, — так говорила мать, явившись своей дочери, — мачеха твоя будет добрая и очень тебя полюбит», — и все это буквально исполнилось (18).

Вообще умершие не на все вопросы отвечают живым.

Замечательно при этом, что умершие, беседуя с живыми, не позволяют передавать другим все то, что они сообщают им, и это запрещение имеет такую необыкновенную силу, что живые до самой смерти сохраняют тайну, не смотря на все просьбы друзей открыть им запретные слова. В высшей степени интересно проведать бы, что это такое, чего нельзя знать другим, и отчего бы ради общей пользы кому-либо не нарушить наказ загробных обитателей. Примеры. Невеста, явившись своему жениху и уверяя его, что со смертью не прекращается жизнь человека, в конце своей беседы сообщила ему еще «нечто», о чем запретила рассказывать другим (2). Одному офицеру явившийся товарищ его рассказал, что испытывает душа по исходе из тела, и что именно, он запретил ему рассказывать другим (4). Мать, явившись своей дочери, в конце своего разговора с нею, говорит еще несколько слов, которых дочь повторить не может (61). Сверх того, умершие, как видно из 62 рассказа, уклоняются от просимых ответов на вопросы об условиях загробной жизни, оправдываясь тем, что им воспрещено отвечать на все вопросы живых.

Можно ли определенно сказать, с какими целями являются умершие живым?

Если мы часто не в состоянии дать себе отчета в своих действиях, а равно не можем объяснить многих явлений из мира нас окружающего, мира физического, то тем более нам трудно проникнуть в тайны мира загробного, духовного. Тем не менее, основываясь на тех данных, какие представляют нам рассказы о явлениях умерших, мы можем отчасти отметить следующие цели их явлений.

Являются некоторые по обещанию, еще при жизни данному своим родным или друзьям (расск. 3, 5, 8, 9, 57, 76).

Весьма многие являются, чтобы известить близкое лицо о своем отшествии в загробный мир. Такие явления бывают большей частью в момент смерти или вскоре после нее, и умершие в это время обыкновенно не вступают в беседу с живыми, за редкими исключениями (расск. 3, 8, 9, 10, 29, 39, 41, 50, 51.)

Так как вера в бессмертие души и существование загробной жизни озаряет наш земной путь и раскрывает перед нашим взором назначение земной жизни, то многие умершие являются единственно с целью удостоверить тех, кто колеблется в этой вере или совсем потерял ее. Так, умерший, явившись врачу, не признававшему бессмертия души, объяснил, каким образом душа, по разлучении с телом, сохраняет свое бытие (расск. 1). Девица, явившись своему жениху, говорит: «Ты не веришь, что за гробом есть жизнь, вот я явилась тебе, смотри на меня: видишь, я жива, даже целую тебя. Верь же, мой друг, что со смертью не прекращается жизнь человека» (расск. 2). Офицер, явившись своему товарищу, сомневавшемуся в загробной жизни, говорит: «Жизнь в ином мире существует» (расск. 8). «Я жив, хотя и умер, умер и жив — все равно», — говорит учитель своему товарищу. «Помни: смерти нет, только тело сгниет, душа же вечна», — говорит муж своей жене (расск. 7). «Я пришел к тебе, как сказал раньше, — говорит отец сыну, — я не умер, я жив, я покинул только мое земное тело, облечен теперь в тело духовное и пребываю в мире и успокоении. Я хочу, чтобы ты веровал, что души тех, кого вы любите, могут посещать землю» (расск. 3). «Ты не признаешь Бога, будущей жизни, бессмертия души, — говорит мать сыну, — вот тебе доказательство загробной жизни: я умерла,

но явилась и говорю с тобой... Ты не веришь и, может быть, думаешь объяснить мое явление тебе расстройством твоего воображения, но знай, что объяснения твои ложны, и я своим духовным существом теперь предстою пред тобою, и в доказательство этого — вот тебе крест, отвергнутый тобою, прими его, иначе погибнешь» (расск. 70). Одна умершая, когда явилась больной сестре, которая страшилась смерти, показала ей на самой себе, что такое смерть.

Другие являются близким их сердцу с тем, чтобы уверить, что они снова свидятся в загробном мире, где соединятся навеки. Так, жена, явившись своему мужу, говорит: «Мы и теперь можем иметь духовное общение друг с другом, а в жизни загробной навеки соединимся, если ты будешь достоин того». Муж, явившись жене, говорит: «Здесь у тебя дети, обязанности, а там мы соединимся с тобой» (расск. 17). «Я перешла в другой мир и теперь нахожусь на небе, — так сказала невеста, когда явилась своему жениху, — мы свидимся в загробном мире, где соединимся навеки» (расск. 10).

Являются умершие и с тою целью, чтобы известить родных и друзей, как они живут за гробом. А один умерший на вопрос отца, каково ему там, ответил: «Слава Богу, батюшка, мне хорошо» (расск. 15). Послушник одного монастыря передает, что явившийся ему духовный отец его сообщил, что «ему несказанно хорошо там» (расск. 14). Умерший, явившись своему другу, с радостью открыл ему: «По милости Божией, я избавлен от

ада, обитель моя покойна» (расск. 11). Ребенок, явившись своей матери, говорит: «Мама, мне хорошо там, но еще лучше было бы, если бы ты меньше плакала» (расск. 13). Монастырский чтец, явившись своему духовному отцу, с горькими слезами жаловался, что он несет ужасные мучения за то, что противился и смеялся закону и писаниям (расск. 15).

Умершие весьма часто со слезами просят своих родных, друзей и знакомых молиться за них и подавать милостыню. И эти просьбы их, конечно, весьма понятны для нас. Им дорого и приятно думать, что они не покинуты за гробом, что на земле есть существа, которые помнят их, интересуются судьбою их и желают им блаженства. Но главное, они чувствуют на себе, как наши молитвы умилоствивляют Бога. Так, когда один умерший просил монаха молиться о нем и последний спросил: «Разве ты нуждаешься в молитвах?» — «Ах, и как еще нуждаюсь», — ответил тот и, крепко сжав его руку, продолжал: «Помолись, пожалуйста, обо мне» (расск. 20).

Некоторые из умерших жалуются, что они тоскуют, и на вопрос: «Чем им помочь?» — просят молиться за них и не плакать. Когда одна умершая явилась своей родственнице и горько плакала, та спросила: «Скажите, что вам нужно, я все сделаю». Плачущая отвечала: «Ради Бога, помолитесь обо мне, помяните меня за литургиею», — и когда та обещалась исполнить ее просьбу, рыдания утихли (расск. 16). Когда один священник принял умершего за живого и подал ему просфору, тот отвечал: «Отче, для чего ты даешь мне это? Я есть не могу. Если желаешь сделать для меня что-нибудь, то принеси за меня сей хлеб Всемогущему Богу и помолись о грехах

моих» (расск. 17). Одна мать, явившись своей дочери-малютке, просила ее отслужить по ней заупокойную литургию; во время богослужения дочь видела, как мать ее вошла в церковь и стала на колени перед царскими вратами (расск. 18). Один умерший князь, явившись блаженному Кир-Луке, просил, чтобы родные его роздали бедным оставленные им по завещанию деньги за спасение его души, «иначе я, — говорил явившийся, — останусь навсегда в том положении, в каком ты видишь меня» (а он увидел его черным, как уголь; (расск. 23). «Вы, живущие, не можете понять, — говорит явившаяся своему мужу, — что мы чувствуем, когда вы молитесь за нас» (расск. 66). «Я нахожусь в духовном общении со многими умершими, — рассказывал один священник своему другу, — они часто обращаются ко мне с просьбой молиться за них» (расск. 62).

Есть примеры, что умершие, указывая, где находятся их тела, просят совершить над ними обряд погребения. Это, конечно, те, смерть которых осталась для живых по разным несчастным случаям в неизвестности, и тела их лишены надлежащего погребения (расск. 24, 25, 26, 80).

Отшедшие души, являясь, глубоко благодарят своих молитвенников. Так, умерший, явившись своему другу, говорит: «Благодарю тебя, друг за твои усердные обо мне молитвы и за милостыни, которые много помогли мне» (расск. 11). Жена, явившись мужу, благодарит, что он не забывает ее в своих молитвах» (расск. 66).

Иногда, в выражение своей благодарности за поминовение, умершие предостерегают своих благодетелей от непредвиденных опасностей (расск. 51); иные открывают все, что случится с ними в жизни и особенно день

кончины их (*расск. 27*). Встречается даже такой случай, что умершие являлись ходатаями перед лицом, имевшим власть, о помиловании их молитвенника, которому угрожало за его вину наказание (*расск. 28*).

Немало можно отметить и таких явлений, в которых выражается горячее участие умерших в судьбе живых, особенно родных и друзей. Одни, явившись, предсказывают долгую и счастливую жизнь (*расск. 27, 56*); другие открывают день смерти (*расск. 57, 58*); иные являются в виду важных случаев с благожеланиями (*расск. 30*); некоторые, предвещая близкую кончину, убеждают к более усердным подвигам для вечного спасения (*расск. 11, 19, 45*).

Весьма многие являются, чтобы утешить в печали близких их сердцу. Так, муж, явившись своей жене, говорит: «Зачем плакать, зачем убиваться? Ведь не все со мною окончилось» (*расск. 7*). «Ты знаешь, какое у меня горе?» — спрашивает муж, когда ему явилась жена. «Знаю, знаю, — отвечает та, — но не беспокойся очень, я помогу тебе» (*расск. 66*). Мать, явившись своему сыну больному, говорит: «Зачем так горько плачешь, сын мой? Ты понимаешь, чего просишь у Господа? Для Господа нетрудно исполнить твое прошение, но знаешь ли, чего через это лишаешь себя? Ты и сам не знаешь, чего себе просишь?» (*расск. 42*). «Мама, ты все плачешь обо мне? — утешает малютка свою мать. — Зачем ты плачешь, мне ведь хорошо там; ты не плачь» (*расск. 13*). Невеста, явившись своему жениху, советует не предаваться горю (*расск. 10*).

Некоторые умершие, явившись, предостерегают от худых дел, побуждают живых к исправлению жизни,

напоминая им о Боге и о том, что ожидает каждого за гробом. «Полно тебе предаваться греховным помыслам, борись и сопротивляйся им», — вразумляет явившийся своего духовного сына (расск. 43). Отец, явившись сыну и благословив его, убеждает: «Вася, живи хорошо и не забывай Бога» (расск. 44). Прадед, явившись своему правнуку, говорит: «Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и кто хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что недолго останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен, бойся укора совести: для благодарной души нет более чувствительного наказания», — наставляет явившийся своего правнука (расск. 45). Мать, явившись своему сыну, говорит: «Беззакония твои дошли до Господа, и Он хотел истребить тебя, стереть с лица земли... но отец твой и я молились пред престолом Всевышнего о тебе, и Он послал меня к тебе. Уверуй в отрицаемого тобою Бога, иначе погибнешь, и вечный ад тебе, если ты отвергнешь меня» (расск. 70).

Что все эти утешения, предостережения и вразумления умерших имели благотворное действие, о том свидетельствуют те самые лица, коим они были сделаны. Один, например, офицер рассказывает, что он до того был потрясен беседой явившегося к нему умершего товарища, что после того он продал свое имение и, употребив деньги на богоугодные дела, принял на себя подвиг странствования по святым местам, оплакивая свою прошлую жизнь (расск. 4). «Теперь, после явления мне невесты моей, — говорит одно интеллигентное лицо, — я сделался, по милости Божией, опять человеком веру-

ющим и не знаю, как благодарить Господа, что Он исторг меня из бездны пагубных заблуждений» (расск. 2). Студент, потерявший веру в Бога, в бессмертие души и в загробную жизнь, с явлением ему матери из загробного мира осознал свои заблуждения и снова сделался истинным христианином. «Все это (явление матери и ее увещания), — говорит он, — до самой сокровенной глубины потрясло мою душу, совесть во мне поднялась со всей силой, прежние убеждения рушились, и я в минуту, кажется, переродился» (расск. 70). После явления одному князю умершего его брата, который засвидетельствовал перед ним о существовании загробной жизни, он сделался набожным и верующим христианином (расск. 6). Английский король Георг I, после явления ему умершей жены Софии, раскаялся в своей греховной жизни, подолгу молился и много делал добра (расск. 69). «Отныне я уже никогда не позволю себе сомневаться в великих христианских истинах, а тем более говорить о них легкомысленно», — свидетельствует один студент университета после явления ему умершего товарища (расск. 5).

Надо однако заметить, что многие умершие являются по чисто житейским интересам. Так, отец, явившись сыну, указывает, где хранятся расписки в получении от него денег, вторично требуемых кредитором (расск. 46). Католический священник просит об уничтожении секретной записи, оскорбительной для чести известных лиц, остающихся в живых (расск. 47). Явившийся просит своего друга не покинуть его единственного сына, остающегося без всяких средств к жизни (расск. 48). Дворецкий просит об отдаче его жене-вдове следуемых

ему за службу денег (расск. 49). Девочка, явившись доктору в момент своей смерти, просит его навестить опасно больную мать ее и при этом сообщает адрес ее (расск. 50). Умершая, явившись своей племяннице, упрекает, что нажитые потом и кровью деньги, сбереженные ею для единственного сына, по небрежности выброшены после смерти ее вместе с ненужными вещами (расск. 51). Муж, явившись своей жене, просит, чтобы она отговорила сына жениться на известной девушке (расск. 52). Дочь указывает отцу, где она спрятала данную ей на хранение чужую вещь (расск. 53). Явившийся открывает своему брату, где спрятаны нажитые им деньги, и указывает расписку, по которой следует получить долг (расск. 55). Солдат просит капитана отослать его матери недополученное им жалование и сообщает при этом ему адрес ее (расск. 72). Явившийся просит друга своего позаботиться о материальном положении его жены-вдовы (расск. 73). Явившийся указал адвокату документы, необходимые для процесса, веденного наследником его (расск. 81).

Судя по целям, с какими являются умершие, мы полагаем, что души, удостоенные вечного блаженства, редко возвращаются на землю для свидания с живыми. Если же являются иногда, то стараются проявить свое влияние на живых в смысле нравственного усовершенствования и исправления порочной жизни, отнюдь не вмешиваясь в житейские интересы их.

Чаще являются на землю души, неспособные к возвышенным стремлениям и лишенные общения со светлыми духами. Они по необходимости держатся земли и постоянно вмешиваются в нашу жизнь. Они исключи-

тельно заняты бывают тем, что поработало их мысль и чувство во время земного существования. Поэтому за них-то особенно необходимо молиться, чтобы помочь им подняться от земли на небо.

Оставляют ли умершие души видимый след, который бы доказал действительное их сношение с живыми? Или эти явления надо принимать на веру, как и все исторические факты, основываясь только на искренности очевидцев, которые их передают.

Те данные, какие имеются в представляемых нами рассказах, приводят нас к заключению, что умершие оставляют по себе реальный след, который бывает двух родов: субъективный и объективный. Первый сознают, а иногда видят только те лица, которым было явление умерших, а второй бывает видим и посторонними лицами.

Объективный, реальный след оставляют по себе не все умершие, и надо полагать, потому, что они считают его лишним, так как те лица, с коими они входят в сношение, и без него признают явления их за действительные. Для посторонних же лиц они не оставляют реального следа, видимо, потому, что доказательства действительности их явлений не входят в цели их сношений с живыми.

Лица, видевшие умерших, будучи не подготовлены к этом видениям, испытывают такое сильное потрясение, что иногда в один момент делаются седыми (расск. 2). Эти последствия уже составляют для них реальный след. Такого следа не бывает ни от картин, созданных воображением, как бы они ни были живы, ни от галлюцинаций, как бы они ни были страшны и продолжительны. Прав-

да, часто во время галлюцинаций больные плачут, волнуются, страдают душою, но при всем том до сих пор еще не было слышно, чтобы кто-либо от них поседел и, придя в себя, остался убежденным в действительности явления.

Затем, если на эти явления смотреть, как на плод больной фантазии или как на следствие расстройства нервов, то ужели в то время и животные, как, например, собаки, бывают подвержены той же болезни, так как они тоже видят умерших и даже прежде человека, на что указывают рассказы 2, 31, 57.

Необходимо сказать еще и то, что после бывших галлюцинаций, несмотря на всю их отчетливость, никто не сделался ни лучше, ни хуже в своей жизни. Тогда как после видений из загробного мира многие лица делались совсем другими людьми в смысле христианской нравственности, что видно из рассказов 2, 3-6, 11, 69, 70. Это тоже составляет субъективный реальный след.

Нам кажется, что и последствия, какие часто обнаруживаются непосредственно за явлениями, до некоторой степени могут служить доказательством их реальности, а следовательно, и действительности. Так, одни умершие, явившись, предсказывают живым разные события и особенно день смерти их, и предсказания их в точности исполняются в жизни тех, кому они были сделаны (расск. 7, 18, 27, 55, 56, 57, 58). Другие указывают, где находится прах их, и указания оправдываются на деле (расск. 24, 25, 26). Третьи, наконец, открывают разные тайны или места, где хранятся те или другие предметы, и открытия их с поразительной верностью во всех частях оправдываются на деле (расск. 21, 46, 47,

51, 53, 55). Этот след явлений умерших можно назвать субъективным и объективным.

Утверждают, что предсказания, открытия тайн и всевозможные указания на дела, давно прошедшие, следует относить не к умершим, а к проявлению души собственно того, кто рассказывает о бывшем ему видении. Душа, говорят, находясь под влиянием неотразимой силы живого человека, обнаруживает все то, что принимают за воздействие умерших.

Объясняют эти явления и так, что будто наша душа, независимо от постороннего влияния на нее в момент переноса ее над телом, может проникать в будущее и видеть давно прошедшее, не стесняясь никаким пространством.

Если это верно, если душа наша обладает такими необыкновенными способностями, то это ставит ее несравненно выше того факта, как факт явления отшедших душ. Если наша душа может сама по себе или под влиянием других живых лиц видеть давно прошедшее, как настоящее, и далекое будущее, как уже бывшее, не встречая на пути своего видения препятствия в пределах места и времени, то после этого не только возможны и действительны явления умерших, но даже не могут представлять собою чего-либо удивительного.

Наряду с субъективной реальностью, сейчас указанной нами, есть примеры, из которых видно, что некоторые умершие оставляют при своем явлении объективный след. Примеры эти следующие.

Одна умершая, жена чиновника военного ведомства, явившись мужу с восковой свечою в руках и желая поставить ее, оставила следы накапанного воска на том месте, где прилепляла свечу (расск. 66).

Наполеон, явившись Людовику XVIII, подписал брачный контракт маршала Мармона, и этот замечательный документ еще в 1847 году находился в королевском архиве в Париже (расск. 67).

Мать польского драматурга Магнушевского, явившись своему сыну и подойдя в его спальне к столику, на котором лежал молитвенник, загнула в нем несколько страниц в том месте, где помещена была молитва за умерших (расск. 68).

Королева Английская София, явившись своему мужу Георгу I, завязала узел на кружевном воротничке, который, по ее словам, никто из смертных не мог развязать (расск. 69).

Мать вручила своему сыну-студенту шейный крест, снятый им с себя по неверию и оставленный вдали от места явления умершей (расск. 70).

В заключение скажем, что многие лица, которым являлись умершие, хотя ранее не были убеждены в бессмертии души и загробной жизни, навсегда сделались глубоко верующими в действительность загробной жизни, и эту веру их уже никакие возражения не в состоянии были поколебать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА БЕССМЕРТИЕ ДУШИ, ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ И ЯВЛЕНИЯ УМЕРШИХ	5
РАССКАЗЫ О ЯВЛЕНИИ УМЕРШИХ	14
Свидетельство умерших о бессмертии души и загробной жизни	14
Явления по обещанию или данной клятве	22
Участие умерших в судьбе живых и особенно родных и друзей	29
Сообщения умерших о состоянии их за гробом	31
Просьба умерших о поминовении их и благодарность за молитвы живых	36
Явления умерших в момент смерти их	55
Видимые следы, оставляемые умершими при их явлении	106
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ИЗ РАССКАЗОВ О ЯВЛЕНИЯХ УМЕРШИХ	156

Булгаковский Дмитрий

ЯВЛЕНИЯ УМЕРШИХ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА

Подписано в печать 10.07.13. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.
Тираж 4000 экз. Заказ № 7332.

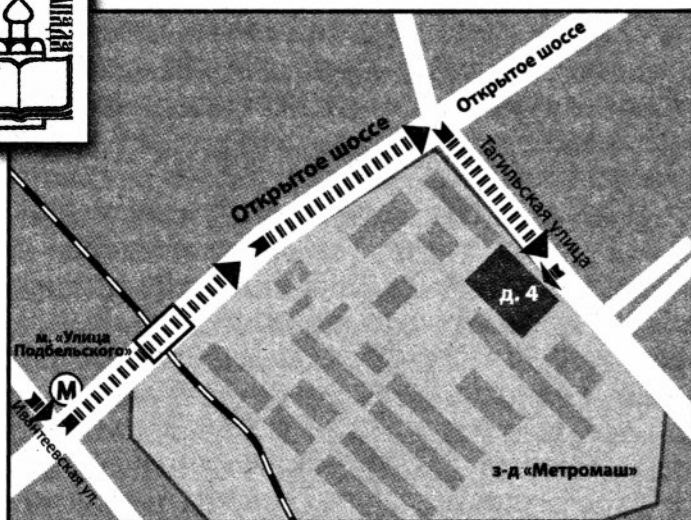
Отпечатано в ООО "Тульская типография"
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ООО «Неугасимая лампада»
г. Москва, ул. Тагильская, д.4

Общество с ограниченной ответственностью

«Неугасимая Лампада»

Директор В.Б. Шингирей

Оптовый склад в Москве

- Более 3000 наименований книг всех православных издательств России
- Церковная утварь
- Аудио- и видеопродукция
- Широкий ассортимент литературы собственного издательства в качественном полиграфическом исполнении
- Бесплатная доставка ж/д контейнерами и автотранспортом по России

Наш адрес: 107143, Москва, ул. Тагильская, 4
(на территории завода «Метромаш»)

Проезд до станции метро «Улица Подбельского»,
далее трамваем № 2, 13, 29, 36 до ост. «Тагильская улица»

**Телефоны: (499) 685-11-34, (985) 998-80-22,
(916) 637-70-94**

www.neyglamp.ru
www.православныймагазин.рф
E-mail: neyglamp@yandex.ru

